

1 Мая.

№ 13-й

1909 года.

ПОЛТАВСКІЯ Епархіальныя Вѣдомости.

ЧАСТЬ ОФФИЦІАЛЬНАЯ

ВЫХОДЯТЪ ТРИ РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ.

Цѣна годовому изданію, съ доставкой и пересылкой, 6 руб.

Адресъ редакціи: г. Полтава, Полтавская духовная семинарія.

I.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Опредѣленіемъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ 23 февраля сего года за № 2414, преподано благословеніе Святѣйшаго Синода съ грамотами: тайному совѣтнику *Василію Мордухай-Болтовскому*, камергеру двора Его Императорскаго Величества *Константину Александровичу Балясному*, и вдовѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника *Любови Бобровской* за ихъ дѣятельность, выразившуюся въ изысканіи средствъ по устройствѣ новой каменной Георгіевской церкви въ с. Нижнихъ-Млинахъ, Полтавскаго уѣзда.

II.

Архіерейскія служенія.

Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ *Іоанномъ*, Епископомъ Полтавскимъ и Переяславскимъ, совершены слѣдующія Богослуженія:

11 апрѣля, суббота, совершена Божественная литургія въ крестовой церкви Полтавскаго архіерейскаго дома; послѣ литургіи отслужено молебствіе съ акаѣистомъ Божіей Матери.

12 апрѣля, воскресенье, совершена Божественная литур-

гія въ Полтавскомъ кафедральномъ Успенскомъ соборѣ; послѣ литургіи отслужено молебствіе.

18 апрѣля, суббота, совершена Божественная литургія въ Крестовой церкви Полтавскаго архіерейскаго дома, на которой рукоположенъ въ санъ священника діаконь Рождество-Богородичной церкви с. Малой-Березанки, Переяславскаго уѣзда, Сила Тихоновичъ и въ іеродіакона монахъ Густынскаго Свято-Троицкаго монастыря, Прилукскаго у., Аркадій; послѣ литургіи отслужено молебствіе съ акаѳистомъ Божіей Матери.

19 апрѣля, воскресенье, совершена Божественная литургія въ Полтавскомъ кафедральномъ Успенскомъ соборѣ, на которой рукоположенъ во священника діаконь Михайловской церкви с. Ольшаны, Прилукскаго у., Михаилъ Падалка; послѣ литургіи отслужено молебствіе.

Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Георгіемъ, Епископомъ Прилукскимъ, совершены слѣдующія Богослуженія въ Полтавскомъ Крестовоздвиженскомъ монастырѣ:

12 апрѣля, воскресенье, совершена Божественная литургія.

19 апрѣля, воскресенье, совершена Божественная литургія.

Ш.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства

Предоставлено 2-е священническое мѣсто 16 апрѣля діакону Богородичной церкви с. Мокіевки, Пирятинскаго у., Іоанну *Гасухъ* при Покровской церкви с. Батьковъ, Зѣньковскаго уѣзда.

Рукоположены въ санъ священника: 18 апрѣля діаконь Рождество-Богородичной церкви с. Малой-Березанки, Переяславскаго уѣзда, Сила *Тихоновичъ* къ Іоанно-Богословской церкви с. Кулябовки, Пирятинскаго у. приписной къ Троицкой церкви м. Яготина; 19 апрѣля *діаконь* Михайловской церкви с. Ольшаны, Прилукскаго уѣзда, Михаилъ *Падалка* къ Михайловской церкви с. Лисовки, Гадячскаго уѣзда; 18 апрѣля *во іеродіакона* монахъ Густынскаго Свято-Троицкаго монастыря *Аркадій*.

Назначены: 14 апрѣля священникъ Іоанно-Богословской

церкви Роменскаго духовнаго училища Іосифъ *Майфетъ* къ Преображенской церкви м. Келеберды, Кременчугскаго у., на священническое мѣсто; 17 апрѣля низведенный въ причетники, состоящій подѣ запрещеніемъ въ священнослуженіи, бывшій священникъ Преображенской церкви м. Келеберды, Кременчугскаго у., Іоаннъ *Кучеровъ* къ Вознесенской церкви с. Селичевки, Переяславскаго у., на псаломщическое мѣсто; 15 апрѣля бывшій псаломщикъ—діаконъ Покровской церкви с. Томашевки Роменскаго уѣзда, Іоаннъ *Троцина* къ Михайловской церкви м. Драбова, Золотоношскаго у., на 1-е псаломщическое мѣсто, съ разрѣшеніемъ ему священнослуженія; 16 апрѣля 2-й священникъ Покровской церкви с. Батьковъ, Зѣньковскаго уѣзда, Терентій *Цюцюрманъ* къ сей же церкви на настоятельское мѣсто.

Награждены набедренникомъ 10 апрѣля священники: Параскевѣевской церкви с. Тарасовки, Зѣньковскаго у., Петръ *Аксюкъ*; 14 апрѣля Трехсвятительской церкви с. Флоровки Полтавскаго у., Іоаннъ *Савенко* за усердную и полезную ихъ пастырскую службу.

Награжденъ похвальнымъ листомъ 7 апрѣля прихожанинъ Вскресенской церкви с. Безпальчаго, Золотоношскаго уѣзда, козакъ Александръ Максимовичъ *Назаревскій* за устройство въ приходскую церковь кіота съ иконою Божіей матери Всѣхъ Скорбящихъ Радости и кіота съ иконою св. Троицы—400 р., св. Евангелія и на престольнаго креста 70 руб.

Средѣлены и. д. псаломщика: 15 апрѣля заштатный псаломщикъ Петро-Павловской церкви с. Николаевки, Миргородскаго уѣзда, Михаилъ *Лисовскій* къ Крестовоздвиженской церкви м. Сорочилецъ, Миргородскаго у., на 1-е мѣсто; послушникъ Полтавскаго Крестовоздвиженскаго монастыря, крестьянинъ, окончившій Тахтауловскую школу грамоты Моисей *Кобелякскій* къ Успенской церкви с. Васьховець, Прилукскаго уѣзда.

Перемѣщены: 7 апрѣля {священники: Покровской церкви с. Сторожевой, Полтавскаго у., Александръ *Марковъ* къ Всехсвятской церкви м. Семеновки, Хорольскаго у.; Николаевской церкви с. Загребелья, Лохвицкаго у., Феодоръ *Нелловъ* къ Вознесенской церкви с. Позникъ, того же уѣзда;

15 апрѣля Вознесенской церкви с. Возявки, Лубенскаго у., Валентинъ *Безпоясковъ* къ Николаевской церкви м. Груни, Зѣньковскаго у.; той же церкви с. Андрей *Куликъ* къ Покровской церкви того-же мѣстечка; Старо-Успенской церкви с. Крапивны, Золотоношскаго у., Александръ *Торскій* къ Богородичной церкви с. Мокіевки, Пирятинскаго у.; *діаконъ*, состоящій на 1 мѣ псаломщическомъ мѣстѣ при Крестовоздвиженской церкви м. Сорочинець, Миргородскаго уѣзда, Павелъ *Гасуха* къ Николаевской церкви с. Озерянь, Лохвицкаго у., на діаконское мѣсто; *псаломщики*: Михайловской церкви м. Березани, Переяславскаго у., Николай *Торскій* къ Николаевской церкви с. Лазоваго-Яру, Пирятинскаго у.; 10 апрѣля Успенской церкви с. Васьковецъ, Прилукскаго у., Стефанъ *Дейнека* къ Покровской церкви с. Сосиновки, Пирятинскаго у., для пользы службы; 15 апрѣля Михайловской церкви м. Драбова, Золотоношскаго у., Іоаннъ *Кравченко* къ Преображенской церкви города Лохвицы; 16 апрѣля Варваринской церкви с. Варваровки, Константиноградскаго у., Симеонъ *Внеській* къ Вознесенской церкви с. Гаркушинець, Миргородскаго у., Тарасій *Плшко*, одинъ на мѣсте другого; 17 апрѣля Троицкой церкви с. Усовки, Переяславскаго у., Александръ *Діаконенко* и Георгіевской церкви с. Васильевки, Полтавскаго у., Александръ *Вщенко* одинъ на мѣсто другого; Рождество-Богородичной церкви м. Домонтова, Золотоношскаго у., Ѳеодоръ *Билинскій* къ Дмитріевской церкви м. Дмитровки, того-же уѣзда.

Утверждены въ должностяхъ 15 апрѣля *священники*: Николаевской церкви с. Солониць, Лубенскаго у., Николай *Войнаховскій* законоучителемъ мѣстнаго народнаго училища; 17 апрѣля учитель Покровскаго народнаго училища, Роменскаго у., Петръ *Шидловскій* преподавателемъ закона Божія въ томъ же училищѣ подъ отвѣтственностію мѣстнаго священника Симеона *Романовскаго*.

Уволены за штатъ: 15 апрѣля *протоіерей* Покровской церкви м. Груни, Зѣньковскаго у., Ѳеодоръ *Павловскій* согласно прошенію; 17 апрѣля *священникъ* Богородичной церкви с. Мокіевки, Пирятинскаго у., Дмитрій *Кремьянскій*; *псаломщикъ* Дмитріевской церкви м. Дмитровки, Золотоношскаго у., Ѳеодоръ *Богаевскій* согласно прошенію.

Уволены отъ занимаемыхъ должностей 13 апрѣля *пса-*

ломники: Преображенской церкви с. Гусанецъ, Переяславскаго у., Григорій *Чаруковский* согласно прошенію; 17 апрѣля Вознесенской церкви с. Селичевки, того же уѣзда, Николай *Дмитренко*.

Исключенъ изъ духовнаго званія 28 октября 1908 года, 2-й псаломщикъ Покровской церкви с. Сасиновки, Пиратинскаго у., Павелъ *Чумаковский*.

Умершіе исключаются изъ списковъ: 5 апрѣля благочинный 5 округа, Кременчугскаго уѣзда, настоятель Покровской церкви г. Кременчуга протоіерей Петръ *Синельниковъ*; 4 апрѣля *священникъ* заштатный—пансіонеръ Андреевской церкви с. Погарщины, Гадячскаго у., Петръ *Тихновичъ*.

IV.

Извѣстія и объявленія.

О просвѣщенной святымъ крещеніемъ.

Просвѣщена св. крещеніемъ изъ евреевъ 31 марта мѣщанка города Прилукъ, Злата Іосифова *Заслина*, благочиннымъ 4 округа, Прилукскаго уѣзда, священникомъ Іоанно-Богословской церкви с. Поддубновки Кирилломъ *Андріевскимъ*, съ нареченіемъ имени „*Маря*“, при воспріемникахъ: солдатъ Михаилъ Трофимовичъ *Сидоренко* и казенной крестьянкѣ Анастасіи Даміановнѣ *Терешковой*.

Присоединена къ православію изъ лютеранъ 22 марта, вдова младшаго вахмистра с. Дубоваго-Гая Симеона Антоніева Вовка—Анна *Дорота*,—дочь жителя Петроковской губерніи Івана *Лейзенъ*, 53 лѣтъ, священникомъ Николаевской церкви с. Дубоваго-Гая, Прилукскаго у., Петромъ *Галабутскимъ*, съ оставленіемъ прежняго имени, при свидѣтеляхъ: крестьянинѣ Маркѣ Никитинѣ *Ступакъ* и дочери священника Неонилѣ Петровнѣ *Галабутской*.

ОТЧЕТЪ

о состояніи Полтавскаго Епархіального женскаго училища въ учебно-воспитательномъ отношеніи за 190⁷/₈ учебный годъ.

Въ отчетномъ году училище Полтавское переживало 39-й годъ своего существованія, со времени его открытія 17-го Октября 1868 года.

За эти 39-ть лѣтъ сдѣлано 36 выпусковъ дѣвиць, съ правомъ на званіе домашнихъ учительницъ, въ количествѣ 2284 человекъ; въ этотъ отчетный годъ имъ выпущено 110 воспитанницъ, послѣ обычнаго испытанія.

I. Объ управленіи училища.

Согласно §§ 6—7 Устава Епархіальныхъ училищъ, главнымъ начальникомъ и управителемъ училища въ истекшемъ учебномъ году былъ епархіальный Преосвященный Іоаннъ, Епископъ Полтавскій и Переяславскій, а непосредственное управленіе сосредоточивалось въ Совѣтѣ училища.

II. Перемѣны въ составѣ служащихъ при училищѣ лицъ.

Въ составѣ служащихъ при училищѣ лицъ произошли въ отчетномъ году слѣдующія перемѣны:

а) Резолюціей Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Іоанна, Епископа Полтавскаго и Переяславскаго, отъ 28 іюня 1907 года на мѣсто Предсѣдателя Совѣта Полтавскаго Епархіального женскаго училища Протоіерея о. Николая Копца-Овдѣнко, оставившаго эту должность по прошенію, утвержденъ въ этой должности Протоіерей о. Григорій Лисовскій, Смотритель Полтавскаго Духовнаго училища.

б) Резолюціей Его Преосвященства, отъ 18 августа 1907-го года, назначенъ 2-й штатный преподаватель Закона Божія при Полтавскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ, Канди-

дать Кіевской Духовной Академіи Константинъ Михайловичъ Разногорскій.

в) Назначенъ въ Совѣтъ Полтавскаго Епархіального женскаго училища, по выбору отъ духовенства, 3-й членъ Священникъ о. Іоаннъ Петровскій, согласно постановленія XV очереднаго сѣзда духовенства Полтавской Епархіи, утвержденного резолюціей Его Преосвященства 30 іюня 1907-го года.

г) Резолюціей Его Преосвященства, отъ 8 октября 1907 года, назначенъ частнымъ преподавателемъ земъ математики окончившій Харьковскій технологическій Институтъ Викторъ Германовичъ Рикманъ.

д) Резолюціей Его Преосвященства, отъ 8 октября 1907 года, назначенъ частнымъ преподавателемъ природовѣдѣнія окончившій Юрьевскій Императорскій Университетъ, Геннадій Александровичъ Канкровъ.

е) Резолюціей Преосвященнѣйшаго Іоанна, Епископа Полтавскаго и Переяславскаго, отъ 17 сентября 1907 года было предоставлено 6 уроковъ физики преподателю семинаріи Л. А. Сенявину.

ж) Резолюціей Его Преосвященства, отъ 8 октября 1907 года, уволена по прошенію, отъ должности классной воспитательницы Анна Павлова Ковалевская, прослужившая въ этой должности болѣе 25-ти лѣтъ (съ 4 октября 1881 года); 8-го октября того же года, назначена частною преподавательницею ариѳметики и русскаго языка на 14 уроковъ въ младшихъ классахъ Полтавскаго Епархіального женскаго училища.

з) Резолюціей Его Преосвященства, отъ 10 ноября 1907 года, на мѣсто выбывшей классной воспитательницы А. П. Ковалевской, назначена окончившая курсъ Полтавскаго Епархіального женскаго училища Вѣра Севастіановна Павловичъ.

и) Резолюціей Преосвященнѣйшаго Іоанна, Епископа Полтавскаго и Переяславскаго, отъ 26-го февраля 1908 года утверждена въ должности училищнаго врача Вѣра Михайловна Балугева.

і) Выбыли изъ состава преподавателей: частный преподаватель Закона Божія и гражданской исторіи А. И. Мар-

совъ и приватный преподаватель Закона Божія М. И. Виноградовъ.

к) Выбыла за смертію, послѣдовавшею 12 апрѣля 1908 года, изъ состава классныхъ воспитательницъ Наталія Владиміровна Рыбалкина.

III. Составъ Совѣта.

Совѣтъ училища въ отчетномъ году составляли:

а) Предсѣдатель Совѣта, Смотритель Полтавскаго духовнаго училища Протоіерей о. Григорій Лисовскій.

б) Начальница училища, дочь Протоіерея, Екатерина Ивановна Ницкевичъ, окончившая Кіевское женское училище духовнаго вѣдомства (съ 18 іюля 1903 года).

в) Инспекторъ классовъ, священникъ о. Александръ Каменскій; кандидатъ духовной академіи.

г) Три члена, по выбору отъ духовенства, священники: о. Петръ Тарасевичъ, о. Феофилъ Булдовскій и о. Іоаннъ Петровскій—всѣ три студенты мѣстной духовной семинаріи; службу свою училищу въ отчетномъ году несли безмездно.

д) Членъ—преподаватель Антоній Петровичъ Колесниковъ, согласно опредѣленія Святѣйшаго Синода отъ 23-го Августа—5-го сентября 1907 года;

е) Старшая классная воспитательница А. И. Соборницкая, согласно опредѣленія Святѣйшаго Синода, отъ 20-го декабря—20 марта 1907 года.

IV. Классныя воспитательницы

Воспитательницами въ отчетномъ году, по числу классныхъ отдѣленій, состояли слѣдующія 15 лицъ: 1) А. А. Капустянская, 2) С. И. Пичета, 3) А. И. Соборницкая, 4) Т. Д. Хилецкая, 5) М. М. Савченко, 6) М. Н. Иляшенко, 7) Е. А. Терлецкая, 8) Е. И. Сагарда, 9) Е. В. Анцыфрова, 10) А. Я Сагарда, 11) Н. В. Рыбалкина, 12) Е. К. Падалкина, 13) Е. А. Нелѣпина, 14) М. П. Нельговская и 15) В. С. Павловичъ.

У Преподаватели, учительницы и др. служащія лица.

Преподавателями въ отчетномъ году состояли:

а) По Закону Божію инспекторъ классовъ, Кандидатъ Богословія, священникъ Александръ Каменскій при 21-мъ урокъ. Штатный преподаватель Закона Божія К. М. Разногорскій, Кандидатъ Богословія, при 24-хъ урокахъ.

б) По Русскому языку: Г. О. Мартиновичъ, при 12-ти урокахъ, 1-й штатный преподаватель А. П. Колесниковъ, при 30-ти урокахъ, 2-й штатный преподаватель В. А. Щепотьевъ, при 24-хъ урокахъ. Всѣ они кандидаты духовной академіи; А. П. Ковалевская — 11 уроковъ.

в) По Ариѳметикѣ: Штатный преподаватель И. Я. Чаленко, Кандидатъ Богословія, при 24-хъ урокахъ, А. П. Соборницкая, при 3-хъ урокахъ, М. М. Савченко, при 3-хъ урокахъ, А. П. Ковалевская, при 3-хъ урокахъ, С. И. Пичета, при 3-хъ урокахъ и Е. А. Терлецкая, при 3-хъ урокахъ.

г) По Физикѣ: преподаватель Полтавскаго Кадетскаго корпуса П. Г. Люсинъ—при 12-ти урокахъ, Л. А. Сиявинъ (преподаватель Полтавской Духовной Семинаріи, при 6-ти урокахъ).

д) По Геометріи: П. И. Трипольскій, при 8 ур. въ 3-хъ отдѣленіяхъ VI-го класса, и В. Г. Рикманъ, при 4-хъ недѣльныхъ урокахъ.

е) По Дидактикѣ: В. А. Конопатовъ, при 6-ти урокахъ, и Д. Н. Нарциссовъ, при 3-хъ урокахъ; оба они—кандидаты духовной академіи.

ж) По Географіи: Штатный преподаватель А. В. Андрущенко, при 25-ти урокахъ, и А. А. Явойскій, при 4-хъ недѣльныхъ урокахъ; оба они—кандидаты духовныхъ академій.

з) По Гражданской Исторіи: Штатный преподаватель П. С. Поцовъ, при 22-ти урокахъ, и А. А. Явойскій при 13-ти урокахъ.

и) По Природовѣдѣнію: окончившій Императорскій Юрьевскій Университетъ Г. А. Канкровъ, при 15-ти урокахъ

і) По Церковному пѣнію: учителемъ состоялъ священникъ А. Соколовъ при 30-ти урокахъ въ недѣлю

к) По Чистописанію: классныя воспитательницы: А. Я. Сагарда, М. Н. Илляшенко, М. Н. Нельговская, Е. И. Сагарда, Е. А. Нелѣпина.

л) По Рисованію: А. К. Кульчицкій, при 14-ти урокахъ.

м) По Гимнастикѣ: В. Н. Галенковская, окончившая мѣстный институтъ при 7-ми урокахъ.

н) По Французскому языку: окончившая институтъ благородныхъ дѣвиць, а также курсы французскаго языка въ Парижѣ (о чемъ имѣеть свидѣтельство Л. Д. Прокофьева), при 12-ти урокахъ.

о) По Рукодѣлію обучали: окончившая Полтавскій институтъ благородныхъ дѣвиць Е. О. Сезеневская, при 12-ти урокахъ (съ 6 сентября 1896 года), и вдова священника М. И. Хилецкая, при 18-ти урокахъ.

п) По музыкѣ на фортепіано обучали: М. Г. Леванская, М. Н. Ограновичъ, Н. Г. Костенко и М. Г. Колядина.

Музыкѣ на фисгармоніи обучали: священникъ о. А. Соколовъ, г-жа Аксюкъ и г-жа Грудницкая.

Врачемъ при училищѣ въ первую половину учебнаго года состояла М. Н. Мекленбурцева, а съ 26-го февраля 1908 года В. М. Балужева. Обязанности фельдшера временно исполнялъ В. П. Радевичъ-Сегайло, служащій въ должности фельдшера при Полтавской Духовной Семинаріи. Надзирательницей при больницѣ была М. П. Мухина.

Костеляншей была Е. А. Скляревская, а ея помощницей — Е. Н. Добролюбова.

Экономомъ при училищѣ состоялъ діаконъ М. П. Дарагановъ, онъ же штатнымъ діакономъ при училищной церкви утвержденъ. Обязанности хозяйки по кухнѣ и столовой неслла дочь дворянина М. И. Марченко.

VII. Составъ учащихся.

Таблица 1-я.

Училище шестиклассное.

Классы.		Общее число учащихся.	Духовныхъ.	Инословныхъ.	Пансионерокъ.	Приходящихъ.	На полномъ казенномъ.	На половин. казенномъ.	Стипендиатовъ	Окончившихъ курсъ.
I кл.	I отд.	44	39	5	30	7	6	1	—	—
I	„ II „	43	38	5	29	7	7	—	—	—
II	„ I „	47	39	8	29	7	7	4	—	—
II	„ II „	47	42	5	35	3	4	5	—	—
III	„ I „	37	30	7	25	6	5	1	—	—
III	„ II „	37	32	5	22	7	6	2	—	—
IV	„ I „	52	40	12	34	8	8	2	—	—
IV	„ II „	51	44	7	35	4	5	7	—	—
IV	„ III „	52	30	22	21	21	10	—	—	—
V	„ I „	44	41	3	23	3	15	2	1	—
V	„ II „	44	36	8	25	5	12	—	2	—
V	„ III „	49	35	14	38	—	11	—	—	—
VI	„ I „	37	31	6	22	3	9	1	2	37
VI	„ II „	36	31	5	22	1	10	2	1	36
VI	„ III „	37	30	7	19	6	9	30	—	37
Всего		657	538	119	409	88	124	30	6	110

VIII. Учебно-воспитательная часть.

Въ учебно-воспитательномъ дѣлѣ Совѣтъ училища и весь педагогическій персоналъ слѣдовали Высочайше утвержденному Уставу Епархіальныхъ женскихъ училищъ и циркулярнымъ распоряженіямъ Святѣйшаго Синода. Преподаваніе велось согласно программамъ, введеннымъ въ жизнь опредѣленіемъ Св. Синода отъ 23-го августа—5 сентября 1907-го года за № 5077. При этомъ, дабы дать возможность воспитанницамъ 5-го класса закончить курсъ ариѳметики, въ теченіе 1-й трети всѣ 4 урока математики были назначены на окончаніе курса ариѳметики, а изученіе алгебры и геометріи началось послѣ Рождества. Въ 5-мъ же классѣ законченъ былъ курсъ теоріи словесности, послѣ чего начато изученіе исторіи литературы. Въ 4 классѣ былъ законченъ курсъ грамматики русскаго языка и пройденъ (въ сокращенномъ видѣ) курсъ теоріи словесности. Курсъ Природовѣдѣнія проходилъ не только въ 4-мъ классѣ, но и въ 5-мъ, гдѣ этотъ курсъ и пройденъ весь, но въ значительно сокращенномъ видѣ. Учебными руководствами и пособіями служили книги, одобренныя для этой цѣли или Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ, или же Министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Письменные работы давались воспитанницамъ, кромѣ русскаго языка, и по другимъ учебнымъ предметамъ. Въ низшихъ двухъ классахъ давались диктовки, а въ четырехъ старшихъ—и опыты для сочиненій, которыя выполнялись воспитанницами на дому; темы для сихъ послѣднихъ заготовлялись преподавателями и заслушивались въ Совѣтѣ, а затѣмъ согласно росписанія, составленнаго инспекторомъ классовъ, которое также предварительно разсматривалось въ Совѣтѣ и утверждалось Преосвященнымъ, — темы объявлялись воспитанницамъ въ положенные по росписанію сроки.

Сроки для написанія сочиненій, равно какъ и промежутки между ними, были не одинаковы: въ III-мъ и IV-мъ классахъ сроки были короче—отъ 6 до 8 дней; въ V-мъ классѣ отъ 9 до 10 дней, а въ VI отъ 10 до 16-ти дней.

Баллы по письменнымъ работамъ вносились преподавате-

лями, каждымъ по своему предмету, въ классные журналы и полугодичныя вѣдомости; согласно циркулярному распоряженію Учебнаго Комитета отъ 1889-го года № 13, принимались во вниманіе при выводѣ общаго балла по предмету, равно какъ и при сужденіи объ удостоеніи наградъ.

Отчетный годъ начался 16 Августа 1907 года и закончился 8-го Іюня 1908 года.

Учебныя занятія все время шли, въ общемъ, нормально безъ перерывовъ, исключая случаевъ пропуска уроковъ отдельными воспитанницами, — главнымъ образомъ, по болѣзни, и, отчасти, по несвоевременной явкѣ въ училище послѣ Рождественскихъ и пасхальныхъ каникулъ. Переводнымъ экзаменамъ, согласно опредѣленія Св. Синода отъ 1-го Декабря 1907-го года за № 7865 подвергались воспитанницы всѣхъ классовъ.

О степени успѣшности занятій воспитанницъ за истекшій учебный годъ можно судить на основаніи слѣдующей статистической таблицы:

К л а с с ы .	Общее число воспитанницъ.	Окончившія или переведенныя въ слѣдующій классъ.	Награды 1-й степени.	Награды 2-й степени.	Перезаменовки и замены послѣ каникулъ (по болѣзни).	Оставлены на 2-й годъ по болѣзни.	Оставлены на 2-й годъ по малослѣбности.	о/о успѣвшихъ.	о/о неуспѣвшихъ по тѣмъ или инымъ причинамъ.
I кл. I отд.	41	38	2	6	3	—	—	93 ⁰ / ₀	7 ⁰ / ₀
I „ II „	42	38	5	5	3	1	—	90 ⁰ / ₀	9,5 ⁰ / ₀
II „ I „	46	41	5	1	5	—	—	89 ⁰ / ₀	11 ⁰ / ₀
II „ II „	47	44	7	5	2	1	—	98 ⁰ / ₀	2 ⁰ / ₀
III „ I „	37	31	7	2	4	1	1	84 ⁰ / ₀	16 ⁰ / ₀
III „ II „	36	29	5	3	4	3	—	81 ⁰ / ₀	19 ⁰ / ₀
IV „ I „	49	35	2	1	9	2	3	72 ⁰ / ₀	28 ⁰ / ₀

IV „ II „	51	46	6	1	3	2	—	90 ⁰ / ₀	10 ⁰ / ₀
IV „ III „	48	40	2	6	7	1	—	83 ⁰ / ₀	17 ⁰ / ₀
V „ I „	44	40	3	2	3	1	—	91 ⁰ / ₀	9 ⁰ / ₀
V „ II „	44	40	2	2	3	—	1	91 ⁰ / ₀	9 ⁰ / ₀
V „ III „	49	42	2	2	4	2	1	86 ⁰ / ₀	14 ⁰ / ₀
VI „ I „	37	36	—	—	1	—	—	98 ⁰ / ₀	2 ⁰ / ₀
VI „ II „	36	36	—	—	—	—	—	100 ⁰ / ₀	—
VI „ III „	37	37	—	—	—	—	—	100 ⁰ / ₀	—
Всего .	644	573	48	36	51	14	6	89 ⁰ / ₀	11 ⁰ / ₀

Изъ 51-ой воспитанницы, которымъ были назначены переэкзаменовки, при Полтавскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ держали таковыя только 34 дѣвицы. Остальныя держали переэкзаменовки при вновь открытомъ съ 1908 1909 учебного года Лубенскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ.

Изъ 34-хъ воспитанницъ, экзаменовавшихся послѣ каникулъ, въ Полтавскомъ Епархіальномъ Училищѣ 26 воспитанницъ выдержали переэкзаменовки, остальные 8 не выдержали.

Изъ 110 окончившихъ курсъ и удостоенныхъ, на основаніи III § Уст. Епарх. женск. училищъ, права на званіе домашнихъ учительницъ, 28 получили воспитаніе на средства церковно-епархіальныя. Стипендіатокъ окончило курсъ 3. Изъ нихъ 27-ми бѣднѣйшимъ воспитанницамъ, въ пособіе на первоначальное обзаведеніе, выдано изъ средствъ училища 510 рублей.

Всѣхъ стипендій при училищѣ въ отчетномъ году имѣлось 136; изъ нихъ 124 епархіальныхъ и 12 на проценты съ по-

жертвованныхъ капиталовъ; изъ 124-хъ епархіальныхъ—84 на взносы церквей и отъ духовенства епархіи и 40 на средства Полтавскаго Епархіального свѣчнаго завода. Учебный день начинался въ 6^{1/2} часовъ; уроки начинались въ 8 часовъ 40 минутъ утра и оканчивались въ 1 часъ 50 минутъ по полудни (при пятиурочной системѣ) съ промежутками на отдыхъ.

IX. Библіотека и физическій кабинетъ.

Въ отчетномъ учебномъ году въ фундаментальную бібліотеку поступило 214 книгъ (84 названій), а въ ученическую 459 книгъ (307 названій) всего на сумму 513 руб. 42 коп. Такимъ образомъ, всего въ фундаментальной бібліотекѣ имѣется 2123 книги (913 названій), а въ ученической 3301 книгъ (1869 названій). Итого, 5424 книгъ (2782 названій). Кромѣ того, учебниковъ и учебныхъ пособій въ отчетномъ году выписано 764, а всего было 2734. Постановлено сверхъ сего выписать въ фундаментальную бібліотеку 71 книгу и въ ученическую 64 книги. Для удобства пользованіемъ книгами изъ ученической бібліотеки, введена ихъ нумерація соотвѣтственно возрастному каталогу (а не хронологическому). Книги для младшаго возраста (1—2 классовъ) передавались для завѣдыванія воспитательницамъ этихъ классовъ, какъ ближе другихъ стоящихъ къ дѣтямъ своего класса и могущимъ постоянно руководить чтеніемъ книгъ ученицами своего класса. Выдача книгъ производилась не менѣе одного раза въ недѣлю. Преподаватели рекомендовали, а иногда прямо обязывали ученицъ къ прочтенію извѣстнаго рода книгъ, какія они признаютъ особенно полезными. Для фундаментальной бібліотеки въ истекшемъ учебномъ году выписаны были слѣдующія журналы: Богословскій Вѣстникъ, Церковный Вѣстникъ, Церковныя Вѣдомости, Историческій Вѣстникъ, Вѣстникъ воспитанія, Вопросы философіи и психологіи, Русская школа. Для ученической: Нива, Дѣтское чтеніе, Дѣтскій отдыхъ, Родникъ, Востокъ, Юный читатель и Модный курьеръ (1-е изд. для рукодѣлія). Газеты въ учительскую бібліотеку выписывались: Полтавскій Вѣстникъ, Новое Время, Кіевля-

Физическій кабинетъ въ истекшемъ учебномъ году былъ пополненъ приобрѣтеніемъ прибора Кольбе, на сумму 134 руб. 20 копѣекъ, и приборовъ, въ качествѣ пособій при преподаваніи природовѣдѣнія, 34 шт. на сумму 17 р. 30 коп.

X. Свѣдѣнія о состояніи здоровья воспитанницъ.

Здоровье воспитанницъ за весь отчетный годъ, въ общемъ, было удовлетворительно, хотя былъ одинъ смертный случай.

Наибольшее число заболѣваній было лихорадкой (24), ангиной (72), корью (60), гастритомъ (47), инфлуэнціей (31) и ларенгитомъ (25).

Наибольшее число заболѣваній падало на мѣсяцы: Сентябрь, Октябрь, Ноябрь и Декабрь. Амбулаторныхъ больныхъ: Октябрь—253; Ноябрь—345, Декабрь—93, Февраль—230, Мартъ—175, Апрель—32, Май—168, Июнь—14, а всего 1310.

XI. Средства училища,

Къ 1-му Января 1907 года оставалось:

I. Училищнаго капитала

Всего 78270 р. 01 к.

Въ 1907-мъ году поступило на приходъ:

Наличными деньгами и % бумагами . . . 186170 „ 21 „

Въ 1907-мъ году употреблено въ расходъ:

наличными деньгами на содержаніе училища по всѣмъ его частямъ 110259 „ 21 „

%-ми бумагами въ расходъ не было.

За симъ остается къ 1-му Января 1908 года.

Наличными деньгами нѣтъ.

%-ми бумагами 75911 „ — „

Пенсіоннаго капитала.

Къ 1-му январю 1907 года оставалось

Всего 45886 р. 41 к.

Въ 1907 году поступило на приходъ:

наличными деньгами	7943	„	50	„
°/о бумагами	7800	„	—	„
<i>а съ остаточными:</i>				
наличными	8690	„	91	„
°/о бумагами	52939	„	—	„

Въ 1907 году израсходовано:

наличными деньгами	8063	„	26	„
------------------------------	------	---	----	---

За сямъ къ 1-му январю 1908 года оставалось:

наличными деньгами	627	„	65	„
°/о бумагами	52939	„	—	„

Всего 53566 р. 65 к.

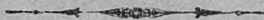
XII. Дополнительныя свѣдѣнія.

Въ отчетномъ учебномъ году Преосвященный Іоаннъ, Епископъ Полтавскій и Переяславскій, оказывалъ вниманіе училищу своимъ посѣщеніемъ онаго въ храмовой праздникъ училища 21 ноября 1907 года, присутствіемъ на урокахъ, на годичныхъ испытаніяхъ воспитанницъ и на актѣ выпуска воспитанницъ. И вообще Преосвященный Владыка въ отчетномъ году не оставлялъ училище своими руководственными указаніями и архипастырскими попеченіями, включительно до матеріальной поддержки нѣкоторымъ, особенно нуждающимся воспитанницамъ, которымъ грозило увольненіе изъ училища за невзносъ платы за правоученіе.

Въ отчетномъ учебномъ году въ училищѣ преподаваніе велось по вновь введеннымъ программамъ, при пятиурочной системѣ, по 50 минутъ урокъ.

Въ отчетномъ году держали испытанія при училищѣ и получили званіе учительницъ церковно-приходскихъ школь 21 дѣвица.

Въ отчетномъ учебномъ году воспитанницами 6-го класса, подъ руководствомъ преподавателя словесности В. А. Щепотьева, въ присутствіи г-жи Начальницы и Инспектора классовъ и нѣкоторыхъ другихъ лицъ изъ корпораціи, велись бесѣды на темы изъ русской литературы. Напримѣръ: Адуевъ дядя и Адуевъ племянникъ, Лиза Калитина и друг тому подобное.

СОДЕРЖАНІЕ:—Опредѣленіе Св. Синода.—I. Архіерейскія служенія.—II. Распоряженія Епархіальнаго Начальства.—III. Извѣстія и объявленія.

Редакторъ официальной части, протоіерей *Н. Ураловъ*.

Печ. съ разр. мѣстн. духов. цензуры. 1 мая 1909 г.

Полтава. Типо-Литогр. Т. Д. И. Фришбергъ и С. Зороховичъ.

$\frac{VII}{1} \frac{5}{1}$

1309 N 13-24

4. 11209

III $\frac{5}{1}$

III 5
1

1-го Мая

№ 13.

90 2-74
4133

1909 года.

ПОЛТАВСКІЯ Епархіальныя Вѣдомости.

ЧАСТЬ НЕОФИЦІАЛЬНАЯ.

„Многоскорбная“ княгиня—Праведница, св. Преподобная Анна Кашинская.

„Многими скорбми подобаетъ намъ внити во царствіе Божіе“
(Дьян. 14, 22).

Среди Богомъ прославленныхъ угодниковъ земли русской личность благовѣрной княгини Анны Кашинской невольно привлекаетъ къ себѣ вниманіе какъ своей нравственной крѣпостью и цѣлностью, такъ и посмертной судьбой. Почти пять съ половиною вѣковъ отдѣляютъ насъ отъ времени ея жизни, съ той поры многое измѣнилось,—но тѣ высокія черты ея блаженной жизни, которыя занесены лѣтописцами и остались въ памяти потомства, всегда будутъ предметомъ благоговѣйнаго почитанія.

Время жизни княгини совпадаетъ съ самымъ скорбнымъ періодомъ русской исторіи. Русская земля терзалась княжескими междусобицами и находилась въ татарской неволѣ. Описывая состояніе Россіи, современный лѣтописецъ заканчиваетъ свою скорбную повѣсть такими словами: „Храбрѣйшіе князья Русскіе пали въ битвахъ, другіе скитались въ земляхъ чуждыхъ; искали заступничества между невѣрными и не находили; славились прежде богатствомъ и всего лишились. Матери плакали о дѣтяхъ, предъ ихъ глазами растоптанными конями татарскими, дѣвы о своей невинности... Живые завидовали спокойствію мертвыхъ“...

Крѣпкая вѣрой въ Бога Русь православная въ то время яви-

ла много нравственной силы. Благовѣрные ея князья въ значительномъ большинствѣ явились выразителями народной мощи и св. Церковію ублажаются, какъ святые. Къ числу ихъ принадлежатъ благовѣрная чета Тверскихъ князей—св. мученика Михаила Ярославича и его супруги, также святой, Анны Дмитріевны (Кашинской). Посмертная судьба послѣдней явилась собою фактъ, безпримѣрный въ русской церковной исторіи. Въ лицѣ блаженной княгини она занесла на свои страницы исключительныя обстоятельства развѣчиванія святой, признанной такой послѣ тщательнаго разслѣдованія „со испытствомъ“ и соборнаго опредѣленія. Въ недалекомъ будущемъ исторія отмѣтитъ возстановленіе церковнаго почитанія св. Анны послѣ промежутка въ 232 года.

Не смотря на официальное запрещеніе чествованія, вѣрующій православный русскій народъ почиталъ ее какъ святую, притекалъ къ ея мощамъ, прося молитвеннаго предстательства предъ Богомъ, какъ Его угодницы. Духовная власть не препятствовала такому проявленію усердія къ памяти блаженной. Ея св. иконы, находящіяся въ Кашинскомъ храмѣ, чествуются благоговѣйнымъ поклоненіемъ, онѣ носятся при совершеніи крестныхъ ходовъ. Печатаемые съ дозволенія Св. Синода мѣсяцесловы еще въ 1852 году не выключали ея имени изъ святцевъ. Въ минувшемъ (1908) году городское и земское Кашинское самоуправленія возбудили ходатайства, покрытыя многочисленными подписями, о возстановленіи церковнаго почитанія ихъ небесной покровительницы. По имѣющимся свѣдѣніямъ такъ нетерпѣливо ожидаемое Кашинцами событіе уже совершилось, чествованіе св. кн. Анны русской церковію въ лицѣ Св. Синода благословлено. Къ многочисленному собору святыхъ русской церкви вновь присоединена благовѣрная княгиня Анна. Теперь ея святое имя будетъ поминаться не только въ Кашинѣ, но и по всей Россіи. Это событіе побуждаетъ обратиться къ давнопрошедшему времени и, насколько возможно, возстановить біографію этой замѣчательной княгини, оставившей по себѣ „вѣчную память“ въ потомствѣ.

Лѣтописи оставили намъ очень скудныя свѣдѣнія о ея жизни. Если и говорится въ нихъ о св. Аннѣ, то только попутно. Лѣтописцы интересовались личностью княгини, поскольку ея жизненный путь былъ связанъ съ святымъ супругомъ. Древнѣйшее ея житіе, написанное въ половинѣ XVII вѣка, извѣстный историкъ В. О. Ключевскій называетъ „реторическимъ упражненіемъ въ біографіи. Крайне скудныя свѣдѣнія объ Аннѣ авторъ такъ обиль-

Образъ св. Благ. вѣн. Кн. ѳины Кашинскія.

но распространилъ сочиненными діалогами и общими мѣстами, что среди нихъ совершенно исчезаютъ историческія черты“. Но и въ этихъ скудныхъ отрывочныхъ свѣдѣніяхъ, оставшихся въ записяхъ современниковъ сѣдой старины, выступаетъ дивный образъ древне-русской княгини, соединившей въ себѣ супружество и материнство съ высотой подвижничества.

Св. кн. Анна была старшей дочерью Ростовскаго князя Дмитрія Борисовича ¹⁾. „Сея убо преподобныя отечество—градъ Кашинъ, дщи бяше благородныхъ и благочестивыхъ родителей“. Годъ ея рожденія точно неизвѣстенъ, съ большою вѣроятностію относятъ его къ 1274-му. Относительно младенческихъ и юношескихъ лѣтъ княгини лѣтописи не даютъ никакихъ свѣдѣній. Несомнѣнно, она была воспитана въ духѣ строгаго церковнаго благочестія, какъ это было въ обычаѣ. О семь говорятъ житійныя сказанія со второй половины XVII вѣка. Современниками ея были лица высокой подвижнической жизни, близко стоявшіе къ великокняжескому двору. Благотворное ихъ вліяніе не могло не отразиться на княгинѣ. Ростовскіе святители Игнатій и Тарасій ²⁾ явили собой образъ епископовъ, ревновавшихъ о благѣ церкви и Отечества. Св. Игнатій былъ особенно близокъ къ княжескому двору, какъ умиротворитель князей (Дмитрія, отца св. Анны и Константина, въ ссорѣ едва не дошедшихъ до кровопролитія).

Положеніе дѣлъ заставило престарѣлаго епископа быть въ Ордѣ для ходатайства предъ грознымъ ханомъ объ отечествѣ. Святая жизнь его явлена въ нетлѣннѣи и цѣльбоносности мощей, прославившихся прежде погребенія. Чудеса, послѣдовавшія при самомъ отпѣваніи, побудили клиръ и народъ поставить открыто его св. мощи, такъ что они совсѣмъ небыли зарываемы въ землю ³⁾. Прославленіе безъ преданія землѣ является единственнымъ, исключительнымъ въ ряду канонизованныхъ церковію святыхъ. Въ то же время въ Ростовѣ подвизался св. Петръ, Царевичъ Ордынскій, племянникъ хана Беркая? Его живая вѣра въ Бога, чудесныя знаменія при основаніи монастыря, какъ и вся вообще жизнь не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія на современниковъ. Высокіе примѣры этихъ подвижниковъ вѣры и благоче-

1) Княземъ Ростовскимъ былъ съ 1277 по 1294 г.

2) Съ 19 сент. 1262 г по 28 мая 1288 г. Тарасій былъ преемникомъ св. Игнатія. Въ 1295 г. онъ вынужденъ былъ оставить кафедру и удалиться въ Устюгъ. Скончался въ 1304 году.

3) „Церк. Вѣд.“ 1902 г. № 44.

4) Сконч. 1290 г.

честія, ярко сіявшіе въ Ростовѣ, были на глазахъ княжескаго двора. Не могли они не оказать вліянія на юную, благочестиво настроенную княжну. Да и во всей послѣдующей жизни княгиня постоянно была окружена лицами высокой духовной жизни. Тверскіе архипастыри благочестивые епископы: Андрей, Ворсанофскій, Ѳеодоръ I и II находились въ добрыхъ отношеніяхъ съ княземъ ихъ и его семействомъ. Въ лицѣ своихъ свекрови Ксеніи (въ монашествѣ Маріи) и супруга св. кн. Михаила княгиня имѣла постоянный примѣръ высокаго христіанскаго благочестія.

Когда возникъ вопросъ о женитьбѣ Тверскаго князя Михаила, то выборъ остановился на дочери Ростовскаго князя Аннѣ.

Князь Михаилъ по своему виду не могъ не произвести впечатлѣнія. Лѣтописи говорятъ, что онъ „тѣломъ великъ зѣло и взоромъ страшень и шіянства не любяше“. Успѣшно боролся онъ съ общимъ русскимъ врагомъ—татарами, сумѣлъ смирить Новгородскую вольницу. Памятникомъ его благочестія является церковь Спаса ¹⁾, устроенная имъ въ Твери. Отъ будущей невѣсты требовалась главнымъ образомъ нетлѣнная чистая красота души. Такъ смотрѣли на бракъ въ то старое время, такъ поступилъ его отецъ, примѣру его слѣдовалъ и сынъ. Со свитою невѣста—княгиня прибыла въ Тверь, гдѣ была съ торжествомъ встрѣчена. Въ день ангела князя—жениха—8 ноября 1294 г. состоялось торжественное бракосочетаніе, совершенное епископомъ Андреемъ въ Спасской церкви. Новобрачные съ радостью были встрѣчены матерью Михаила—княгиней Ксеніей, благословившей ихъ образомъ Спасителя. Своему жениху она принесла „въ вѣно“ (приданное) городъ Кашинъ, дотолѣ принадлежавшій къ Ростовскому княжеству.

Почти съ первыхъ дней супружеской жизни молодые князь и княгиня познакомились съ различными скорбями и напастями. Въ то тяжелое время татарской неволи, интригъ и княжескихъ междоусобицъ „сидѣніе“ на княжескомъ престолѣ было уже подвигомъ. Лѣтописцы оставили намъ сказаніе о тѣхъ бѣдствіяхъ, какими Господь смирялъ народъ и князя. Въ 1297 г. былъ моръ на скотъ и такая засуха, что лѣса и мшистыя болота горѣли. Въ слѣдующемъ (1298) году предъ разсвѣтомъ наканунѣ Ѳоминой недѣли загорѣлся великокняжескій дворець. Князь первый замѣтилъ огонь „и въ торопѣ выскочилъ вонъ только со

¹⁾ Залож 1285, освящ. 8 нояб. 1290 г.

княгинейю .. Погорѣла казна и не мало имѣнья, злата и сребра, и порты, и оружье“. Вскорѣ послѣ этого князь перенесъ тяжелую болѣзнь. Неоднократно Тверь была истребляема пожарами ¹⁾. Всѣ эти бѣдствія какъ народныя, такъ и семейныя не могли не зитрагивать невольную ихъ свидѣтельницу, не могли не отразиться на ея, по выраженію историка „чувствительной“ натурѣ. И хотя Господь послалъ благочестивымъ супругамъ утѣшеніе въ видѣ рожденія пятерехъ дѣтей ²⁾, но скорби слѣдовали за скорбями.

То было время, когда князья ссорились изъ-за великокняжескаго престола, когда изъ-за честолюбія не всегда держали на высотѣ свое великое званіе. Въ свои ссоры они втягивали сильныхъ и алчныхъ татаръ и слабый безпомощный народъ. „Князья Россійскіе“, по выраженію Карамзина, „въ самомъ источникѣ насилій искали способа защитити себя отъ оныхъ и жертвовали послѣдними остатками народной гордости выгодамъ собственнаго личнаго властолюбія“.

Послѣ смерти кн. Андрея Александровича, котораго „какъ жизнь, такъ и кончина была несчастіемъ для Россіи“, великимъ княземъ былъ признанъ Михаилъ Ярославичъ, какъ прямой и законный наслѣдникъ послѣдняго. Въ этомъ званіи онъ былъ утвержденъ ханской грамотой ³⁾ „и посаженъ бысть на столѣ во Владимірѣ блаженнымъ Митрополитомъ Максимомъ“.

Противникомъ Михаила явился властолюбивый его племянникъ Юрій Даниловичъ Московскій, употребившій много усилій для занятія великокняжескаго престола. Три года онъ прожилъ въ Ордѣ, поклонами и подарками успѣлъ добиться ханской милости Узбека, женившаго Юрія на своей сестрѣ Кончакѣ, принявшей святое крещеніе съ именемъ Агаѣи. Ханскому зятю теперь открылась полная возможность къ осуществленію своихъ властолюбивыхъ стремленій. Не смотря на всѣ усилія, употребленныя

1) 1296, 1313 г., когда сгорѣла большая часть г. Твери съ 6-ю церкв.

2) Объ этомъ въ лѣтописяхъ находимъ такія свѣдѣнія: сент. 15 1298 г. въ понед., родился сынъ Димитрій, 8 ноября 1301 г. были «постриги» княжича. (Убитъ въ Ордѣ 16 сент. 1326 г.).

11 окт. 1299 г. родилась дочь Феодора.

7 окт. 1300 г., въ пятницу, родился сынъ Александръ (28 окт. 1339 г. убитъ въ Ордѣ).

Въ 1306 г. родился сынъ Константинъ. (Скончался въ Ордѣ въ 1346 г.)

Младшимъ былъ Василій, родившійся въ 1309 г., умершій въ годъ смерти своей матери—1368 г.

3) 1305 г.

Михаиломъ къ миру съ Юріемъ, онъ не могъ избѣжать войны. Въ этой войнѣ храбрый Михаилъ вышелъ побѣдителемъ ¹⁾.

Въ числѣ плѣнниковъ были захвачены: Кавгадый, воевода хана Узбека, братъ Юрія—Борисъ Даниловичъ и жена его Кончака. Къ несчастію, послѣдняя умерла въ Твери. Этимъ случаемъ воспользовались враги Михаила и распустили слухъ объ ея отравленіи. Грозный повелитель Орды немедленно потребовалъ обвиняемаго къ себѣ на судъ.

«Князья ѣздили въ Орду, какъ на Страшный Судъ». Счастливы, кто могъ возвратиться съ милостію царскою, или по крайней мѣрѣ съ головою». Предъ отъѣздомъ прощались съ близкими, какъ предъ смертію, писали духовныя завѣщанія ²⁾. Въ третій разъ ³⁾ ѣхалъ Михаилъ въ Орду. Опъ зналъ, что живымъ не возвратится въ родной городъ. Предавши себя волѣ Божіей, взявши благословеніе епископа Вареоломея, онъ простился со своимъ семействомъ. Съ горькими слезами провожала его кн. Анна до с. Едиконова у береговъ Нерли. Это мѣсто теперь отмѣчено часовней съ изображеніемъ разлуки благочестивыхъ супруговъ. Послѣднее прощаніе такъ описывается въ житіи: „Настало время лютое“, говоритъ Михаилъ, „я предчувствую это. Мои враги составили противъ меня заговоръ и внушили хану убить меня. Пусть же я умру для успокоенія земли, которая изъ-за меня страдаетъ“. Княгиня стала ободрять мужа. „Зачѣмъ же ты боишься злочистиваго царя? Вѣдь въ насъ нѣтъ никакой неправды. Мы за вѣру и отечество стоимъ. Богъ намъ поможетъ, хотя мы и малы числомъ“.

На это Михаилъ сказалъ: «Я желаю пострадать за имя Христово». — Если такъ, отвѣтила княгиня, «то блаженъ будешь, не бойся мученій, будь вѣренъ Господу до смерти». 5 августа кн. выѣхалъ изъ Твери и 22 ноября (1318 г.) былъ преданъ мучительной смерти. До своей кончины онъ томился въ цѣпи, какъ невольникъ, скованный по рукамъ и ногамъ. Затѣмъ онъ былъ выставленъ на поруганіе и насмѣшки татаръ и подвергнутъ му-

¹⁾ 22 дек. 1317 г.

²⁾ Такъ кн. Іоаннъ Даниловичъ въ началѣ своего княженія, отправляясь ко Узбеку въ 1328 г., написалъ завѣщаніе, которое начинается такими словами: „Не зная, что Всевышній готовитъ мнѣ въ Ордѣ, куда я ѣду, оставляю сію „душевную“ грамоту, написанную мною добровольно въ цѣломъ, члмѣ и совершенномъ здравіи...“

³⁾ Въ первый разъ въ 1305 г., второй вмѣстѣ съ Митропол. Петромъ въ 1313 г. Тогда онъ пробылъ въ Ордѣ 2 года, возвратился въ 1315 году. Третій—въ 1318 г.

чительнымъ побоямъ и издѣвательствамъ. Юріевъ слуга Романецъ большимъ ножомъ вырѣзалъ сердце и прекратилъ мученія князя.

Святая церковь причислила его къ лику святыхъ и память его совершаетъ 22 ноября, ¹⁾ а лѣтописцы усвоили ему наименованіе отечестволюбца“.

Между тѣмъ княгиня только предчувствовала бѣду, но еще не знала о ней. Орда находилась отъ Твери на разстояніи полуторы тысячи верстъ, въ то время сношенія производились несравненно медленнѣе нынѣшнихъ. Только въ іюлѣ 1319 г. княгиня узнала о смерти своего супруга и о томъ, что останки святаго мученика привезены въ Москву и положены въ Спасскомъ (на Бору) монастырѣ. Съ трудомъ удалось склонить Московскаго князя Юрія, виновника смерти Михаила, отпустить его тѣло въ Тверь.

Съ великимъ почетомъ и вмѣстѣ съ глубокою скорбію гробъ былъ встрѣченъ княжескимъ семействомъ, епископомъ и народомъ ²⁾. Къ великому утѣшенію всѣхъ тѣло страдальца оказалось нетлѣннымъ. Древнее „житіе“ сохранило „плачъ“ княгини надъ гробомъ любимаго супруга, мученика за вѣру Христову и отечество: „Рыдать-ли мнѣ прикажешь, что я лишилась тебя или веселиться, что вижу тебя, дражайшій свѣте мой? Вижу тебя, но вижу бездыханнымъ, безгласнымъ во гробѣ. Кто похитилъ наше сокровище? О, ордынская страна, царство безбожныхъ татаръ! Да не будетъ вышняго благословенія надъ тобою! О зависть! О злоба! Но не хвались гордость! Князь мой, какъ орелъ, взлетѣлъ на высоту. Князь мой, какъ свѣтлое свѣтило, возсіялъ и увязанный вѣнцомъ торжествуетъ на небѣ. Рыдать-ли мнѣ? Плакать заставляетъ естество, ибо осиротѣла мать съ чадами, ибо лишилась я надежды, покровителя и отца. Не увижу я тебя, свѣте мой; не услышу сладкаго гласа твоего! Горе мнѣ! Лучше бы мнѣ умереть вмѣстѣ съ тобою, чтобы вмѣстѣ предстать Царю Христу“.

Обремененная многими жизненными скорбями, лишь въ молитвѣ находившая подкрѣпленіе и ободреніе, вдова—княгиня не могла увлекаться мірскими радостями и суетой и скоро перемѣнила княжескіе хоромы на убогую келію инокини. Въ Тверскомъ Софійскомъ монастырѣ, гдѣ спасалась ея свекровь Ксенія (во

¹⁾ Св. мощи его, открытыя въ 1655 г., почиваютъ въ Тверскомъ каеедр. Соборѣ. Празднованіе ему установлено Московскимъ соборомъ 1549 г.

²⁾ 6 сент. 1320 г.

иночествѣ Маріа) ¹⁾, она приняла постригъ съ именемъ „Софіи“, а по древнему рукописному житію „Евфросиніи“ ²⁾. Постоянныя бдѣнія и молитвенныя упражненія дали ей духовную крѣпость, явленную дѣлами любви къ бѣднымъ и несчастнымъ.

Монастырская келія, казалось бы, должна положить конецъ вѣмъ скорбямъ княгини. Но она имѣла дѣтей, и материнское чувство не могло заглухнуть въ ней.

Всю жизнь ей пришлось болѣть и за страну русскую и за дѣтей своихъ, — и не напрасно лѣтопись усволяетъ ей наименованіе „многоскорбной“. За ограду монастыря доходили печальныя вѣсти о судьбѣ дѣтей и государства.

Почти ежегодно оно опустошалось алчною толпою татаръ, являвшихся за своей обычной данью. Безпристрастные лѣтописцы рѣдкій годъ обходятъ безъ замѣчанія, какъ посель татарскій такой-то городъ „пограби, и монастыри пожже, и люди плѣни“ ³⁾.

Князья Русскіе нерѣдко жизнь свою кончали въ Ордѣ. Эта участь постигла трехъ сыновей св. Анны и внука.

Старшій сынъ Димитрій (по прозванію „Грозныя Очи“) встрѣтилъ въ Ордѣ виновника смерти своего отца Юрія Даниловича. Смѣлый и пылкій онъ не могъ побороть въ себѣ чувства мести и вонзилъ мечъ въ того, кто былъ причиною смерти его отца. Черезъ 10 мѣсяцевъ послѣ этого событія, по повеленію хана Узбека, онъ былъ убитъ ⁴⁾.

Ранняя смерть первенца, которому исполнилось лишь 28 л., не могла не причинить глубокихъ страданій княгинѣ.

Прошелъ годъ послѣ этого, и несчастіе постигло другого сына Анны—Александра. Ханскій посель и родственникъ Шевкаль съ толпою татаръ явился въ Тверь за сборомъ дачи, или вѣрнѣе—за грабежемъ. Разнесся слухъ, что Шевкаль замышляетъ убить князя и обратить Тверянъ въ магометанство. Подъ предводительствомъ князя народъ напалъ на татаръ и перебилъ ихъ.

¹⁾ Благовѣрная кн. Тверская Ксенія, во иноцѣхъ Марія, сконч. въ 1312 г. Погребена въ Тверскомъ соборѣ, гдѣ по ней совершается заупокойное богослуженіе.

²⁾ Н. Важенковъ, Преосв. Димитрій, сост. „Троицк. Лист“ называютъ ее «Евфросиніей»; Голубинскій, Галаховъ (Церк. Вѣст № 30—1908). В. П. К (псковскій), гр. М. В. Толстой—именуетъ «Софіей».

³⁾ Не обходилось въ этомъ случаѣ безъ содѣйствія евреевъ. Подъ 1321 г. записано: „Прииде изъ Орды въ Кашинъ Таянчаръ татаринъ съ жидовиномъ должникомъ (или откупщикомъ царской дани) и многу тяжесть учиниша Кашину“.

⁴⁾ 15 сент. 1326 г.

Отъ ханскаго гнѣва Александръ долженъ былъ спастись въ Псковъ и Литву. Наконецъ онъ рѣшился явиться въ Орду къ грозному хану, который сперва простилъ провинившагося предъ нимъ князя и возвратилъ ему княжеское достоинство, но черезъ годъ вызвалъ въ Орду. Здѣсь, вмѣстѣ съ сыномъ Теодоромъ татары отрубили Александру голову и „розняли ихъ по суставамъ“¹⁾. Истерзанные останки несчастныхъ князей были привезены въ Тверь. „Мати его (кн. Анна) и братія и княгиня съ дѣтьми и весь градъ плакаше горько. И тако Тверское княженіе до конца опустѣ“.—Заканчиваетъ лѣтописецъ плачевное свое повѣствованіе.

Младшіе сыновья св. Анны—Константинъ и Василій, обнаружившіе неуживчивый характеръ, не могли возвысить Тверскаго княжества. Константинъ ссорился съ невѣсткою, вдовою своего брата Александра—Анастасією и ея сыномъ Всеволодомъ Холмскимъ. Съ жалобами онъ поѣхалъ въ Орду, и тамъ умеръ²⁾.

Вѣроятно, послѣ смерти Константина княгиня изъ Твери переселилась въ Кашинь, гдѣ княжилъ ея младшій сынъ Василій Михайловичъ. Для своей матери онъ устроилъ Успенскую женскую обитель. Здѣсь она была скорбною свидѣтельницею полной тревогъ жизни своего младшаго сына. Незадолго до смерти она приняла схиму съ прежнимъ именемъ «Анны» и въ одномъ году съ нимъ скончалась.

Древнее житіе относитъ кончину ея «октомврїа о второмудню». Подъ этимъ же числомъ печаталась ея память въ изданныхъ съ дозволенія Св. Синода мѣсяцесловахъ (съ 1795 по 1852 г.) Въ лѣтописи кончина ея означена въ 1368 году. Подъ этимъ годомъ записано: „Преставись великая княгиня Софія великаго князя Михаила Ярославича Тверскаго“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

1) 28 окт. 1339 г.

2) 1346 г.

Чествованіе Н. В. Гоголя въ духовной семинаріи.

12-го апрѣля, въ 2 часа дня, мѣстная духовная семинарія чествовала память безсмертнаго писателя земляка Н. В. Гоголя. По случаю наступившихъ экзаменовъ, торжество носило чисто семейный характеръ. Въ качествѣ почетныхъ гостей, на торжествѣ присутствовали: Преосвященный Епископъ Иоаннъ, племянники Гоголя—Н. В. и Ю. В. Быковы (оба—съ семействами, и племянницы—В. В. Быкова и М. В. Рахубовская (урожденная Быкова), а также члены Иверскаго попечительства при семинаріи: вдова г.-л. М. Д. Кондратенко, г.-л. Д. В. Потопчинъ, управляющій контрольной палаты О. И. Прудовскій, губернской казначей П. С. Вѣтченко, полк. И. Я. Волчановскій, представители городского духовенства, учація корпораціи мѣстныхъ духовно-учебныхъ заведеній и др.

По случаю настоящаго торжества, подъ портретомъ Государя Императора виднѣлся портретъ Н. В. Гоголя, обвитый малороссійскимъ полотенцемъ.

Торжество началось пѣніемъ народнаго гимна, исполненаго смѣшаннымъ хоромъ, состоящимъ изъ 120 голосовъ (80 воспитанницъ епархіальнаго училища и 40 воспитанниковъ семинаріи), подъ управленіемъ священника А. Соколова.

Послѣ гимна, помощникъ инспектора семинаріи В. Ф. Харьковъ съ большимъ подъемомъ духа произнесъ прекрасную рѣчь на тему „Н. В. Гоголь и его литературная дѣятельность“. Въ ней онъ указалъ, между прочимъ, на христіанское значеніе тѣхъ идеаловъ, которые великій писатель проводилъ въ своихъ произведеніяхъ. Въ заключеніе своей рѣчи, лекторъ, пользуясь словами Гоголя по поводу той ужасающей пошлости, до которой могъ дойти Плюшкинъ, обратился къ юнымъ слушательницамъ и слушателямъ съ такимъ сильнымъ призывомъ, который не мѣшаетъ твердить, особенно въ настоящее время, все чаще и чаще.

„Забирайте же съ собою,—раздавался мощный голосъ лектора,—въ жизненный путь вашъ тѣ великіе завѣты, которые оставилъ намъ Н. В. Гоголь! Забирайте же съ собою въ путь ту безконечную любовь къ своей родинѣ, на алтарь которой онъ положилъ свое великое скорбное сердце!

Забирайте же съ собою въ путь тѣ идеалы добра и красоты—эту дорогую мечту челоѳчества,—къ осуществленію которыхъ всю жизнь стремился гениальный юмористъ—бытописатель, заклеившій своимъ смѣхомъ въ нравственное уродство тѣхъ, кто утратилъ эти идеалы! Забирайте же въ дорогу ту любовь къ родному слову, ту любовь къ родной литературѣ, вѣрной завѣтамъ христіанства, которая, какъ маякъ, разбрасываетъ лучи свѣта въ окружающей тьмѣ и несетъ живую воду состраданія и любви къ падшимъ душамъ! Запасайтесь же въ жизненную дорогу вашу этой „живой водой“ и запечатлѣйте въ юныхъ сердцахъ своихъ этотъ скорбный образъ великаго юмориста русской земли, Николай Васильевича Гоголя!“

Рѣчь такъ интересно составлена и такъ живо произнесена, что не смотря на то, что она длилась слишкомъ полтора часа, все время слушалась съ большимъ вниманіемъ и удостоена вполне заслуженныхъ аплодисментовъ.

Послѣ этого, смѣшанный хоръ исполнилъ гимнъ въ память великаго писателя—„Сто лѣтъ прошло, какъ ты впервые увидѣлъ чудный Божій свѣтъ“—муз. Стеценко, повторенный, въ заключеніе торжества, еще два раза. Кромѣ того, исполненъ былъ хоровой номеръ изъ оперы „Утоплена“ (майска ничь)—муз. Лысенко. Хору аккомпанировала окончившая мѣстное епархіальное училище Л. Г. Мартиновичъ.

Изъ литературнымъ номеровъ воспитанники семинаріи продекламировали: И. Майловъ (III класса)—отрывокъ изъ повѣсти „Тарасъ Бульба“, Е. Падалка (IV класса)—„Записки сумасшедшаго“ и В. Поповъ (I кл.)—стихотвореніе, посвященное памяти Н. В. Гоголя.

Тотжество закончилось около 4^{1/2} часовъ дня пѣніемъ гимна Гоголю. При этомъ многіе оставляли семинарскую залу съ видимымъ подъемомъ духа, какой только могъ вызвать искусно начертанный образъ великаго юмориста съ его бессмертными произведеніями...

Послѣ акта, Его Преосвященство, родственники чествуемаго писателя и другіе почетные гости были приглашены въ квартиру ректора семинаріи архимандрита Варлаама, гдѣ имъ предложенъ былъ чай. За чаемъ общій разговоръ вращался около того торжества, которое только что было посвящено памяти „великаго юмориста земли русской“.

Въ тотъ же день, около 6¹/₂ часовъ вечера, чествовала Н. В. Гоголя и образцовая школа при семинаріи. На этотъ разъ въ школьномъ помѣщеніи, кромѣ портрета Государя Императора, поставленъ былъ и бюстъ Гоголя, убранный полотенцемъ и зеленью и увѣнчанный вѣнкомъ изъ подсиѣжниковъ, а надъ бюстомъ красовалось вензельное изображеніе великаго писателя—и все это было окаймлено гирляндой изъ сосновой фойи; пьедесталъ также былъ убранъ полотенцами и усыпанъ зеленью и цвѣтами. На школьномъ праздникѣ присутствовали: ректоръ семинаріи архимандритъ Варлаамъ, руководитель школы В. А. Конопатовъ, учащій персоналъ школы и воспитанники семинаріи (старшаго класса).

Послѣ пѣнія „Христось воскресє“, исполненнаго школьничьимъ хоромъ, руководитель школы В. А. Конопатовъ прочиталъ біографію Гоголя. Затѣмъ слѣдовалъ народный гимнь, послѣ котораго одна изъ ученицъ (М. Мельникова) продекларировала „Днѣпръ“—Гоголя. Далѣе: хоръ исполнилъ гимнь Гоголю „Слава художнику смѣха могучаго“—муз. Четвертакова, одинъ ученикъ (П. Шевченко) прочиталъ „Украинскую ночь“ изъ повѣсти „Майская ночь или утопленница“, а другой (М. Дудкинъ)—„Встрѣчу Тараса Бульбы съ сыновьями“ и, наконецъ, исполнена была кантата Гоголю „Русскихъ сказокъ мало-ль, много-ль“—муз. Главача. При этомъ, пѣніе исполнено было подъ управленіемъ воспитанника V класса семинаріи В. Клемента, а чтеніемъ руководилъ и. д. учителя школы діаконъ А. Неминущій (вольнѣслушатель V класса семинаріи).

Въ концѣ акта, всѣмъ ученикамъ и ученицамъ школы розданы были книжки отдѣльныхъ рассказовъ и повѣстей Гоголя.

Въ заключеніе, ректоръ семинаріи архимандритъ Варлаамъ, обращаясь къ школьникамъ, сказалъ нѣсколько словъ о значеніи настоящаго торжества для насъ христіанъ, такъ какъ чествуемый былъ не только великій писатель, но и истинный христіанинъ. При этомъ онъ выразилъ дѣтямъ свое удовольствіе, что побывалъ на такомъ праздникѣ вмѣстѣ съ ними.

Школьный праздникъ закончился въ 8 часовъ вечера—пѣніемъ „Ангемъ вопіяше“ и „Свѣтися, свѣтися“.

З. П. Ольскій.

Н. В. Гоголь.

(1809—1909)

Критико-біографическій очеркъ.

(Продолженіе).

И вотъ, по окончаніи курса въ Нѣжинскомъ лицѣѣ, (1828) послѣ короткаго пребыванія у себя на родинѣ, этотъ юноша „искатель правды и совершенства“ ѣдетъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ своимъ сосѣдомъ и ближайшимъ другомъ А. С. Данилевскимъ, чтобы тамъ, въ этой заманчивой сѣверной столицѣ осуществить свои пылкія стремленія, свои юношескія мечты и планы. Но первые же самостоятельные шаги принесли Гоголю не мало разочарованій. Не смотря на рекомендательныя письма вліятельнаго Трощинскаго, которыми снабдила своего „Никошу“ любящая маменька, Гоголю не только не удается „пристроиться“ на службу, но еще и приходится испытать нужду, „отхватать“ зиму въ лѣтней шинели, отказать себѣ въ удовольствіи посѣщать театръ. Самый Петербургъ съ его „чиновничьимъ“ характеромъ произвелъ на него тяжелое впечатлѣніе. Въ своихъ письмахъ онъ жалуется на дороговизну, „холодъ“ и эгоизмъ столичныхъ обывателей, ихъ какой-то тусклый, сѣрый характеръ. „Иностранцы, которые поселились сюда, пишетъ онъ, обжились и вовсе не похожи на иностранцевъ; а русскіе, въ свою очередь, обьяностранились и сдѣлались ни тѣмъ, ни другимъ. Тишина въ немъ (Петербургѣ) необыкновенная, никакой духъ не блеститъ въ народѣ, все служащіе, да должностные, все толкуютъ о своихъ департаментахъ да коллегіяхъ, все подавлено, да погрязло въ безцѣльныхъ ничтожныхъ трудахъ, въ которыхъ бесплодно издерживается жизнь ихъ“¹⁾... Очевидно, мечта его о службѣ государству и родинѣ въ формѣ чиновника какого-либо департамента или канцеляріи потеряла всякую привлекательность; а между тѣмъ, нужда все сильнѣе и сильнѣе давала себя чувствовать, и Гоголь, наконецъ, рѣ-

¹⁾ Н. Котляревскій — стр. 21.

шается испробовать свои силы на подмосткахъ театра. Но и здѣсь онъ терпитъ неудачу. Тогда онъ рискнулъ выступить на поприщѣ литературномъ. На послѣднія деньги онъ издаетъ своего „Ганца Кюхель-Гартена“ (подъ псевдонимомъ „В. Аловъ“). Критика однако довольно сурово встрѣтила литературнаго первенца Гоголя; самолюбіе юнаго автора не выдержало; онъ собралъ почти всѣ отпечатанные экземпляры Ганца и немилосерднѣйшимъ образомъ сжегъ ихъ. Цѣлый рядъ неудачъ и, наконецъ, неудача съ Ганцемъ такъ подѣйствовала на Гоголя, что онъ вдругъ рѣшилъ покинуть предѣлы Россіи и за границей искать своей доли, своей судьбы. „Я рѣшился служить здѣсь—(въ Петербургѣ), пишетъ онъ матери по поводу отъѣзда за границу, „во что-бы то ни стало; но Богу не было угодно. Вездѣ совершенно я встрѣчалъ однѣ неудачи и, что всего страннѣе, тамъ, гдѣ ихъ вовсе нельзя было ожидать“¹⁾.

На первомъ попавшемся кораблѣ онъ уѣзжаетъ въ Любекъ, оттуда перекочевываетъ въ Гамбургъ и Травемюнде и снова возвращается въ Любекъ.—Здѣсь, вдали отъ родины Гоголь ищетъ разрѣшенія мучившихъ его вопросовъ о жизненномъ пути. Не жажда новыхъ впечатлѣній и развлеченій гнала его за границу, за предѣлы отчизны, а какое—то непреодолимое влеченіе оставить родину и вдали отъ друзей и знакомыхъ, вдали отъ критиковъ осмыслить свое положеніе, разобратъся въ самомъ себѣ, въ своихъ стремленіяхъ, дать отчетъ себѣ самому въ томъ, къ чему же, наконецъ, приложить свои силы... И нерѣдко впослѣдствіи въ пору зрѣлыхъ лѣтъ Гоголь прибѣгалъ къ тому же средству—онъ „въ трудныя минуты жизни всегда помышлялъ о бѣгствѣ“²⁾. Душевная борьба помѣшала ему и заинтересоваться иностранной жизнію, поэтому она и не дала ему новыхъ впечатлѣній. Онъ ожидалъ, что за граница будетъ интересовать его постепенно „Ничего не бывало. Я вѣхалъ въ Любекъ, сообщаетъ онъ матери, какъ—бы въ давно знакомую деревню, которую привыкъ видѣть часто. Никакого особеннаго волненія не испыталъ я“³⁾. Тѣмъ не менѣе перемѣна мѣста, но-

¹⁾ Письма Н. В. Гоголя I т., 123, 129.

²⁾ Н. Котляревскій, стр. 25.

³⁾ Ibid. 27.

выя впечатлѣнія значительно освѣжили Гоголя и черезъ три мѣсяца онъ возвращается въ Петербургъ и поступаетъ на службу въ департаментъ удѣловъ.

Служба въ департаментѣ удѣловъ не могла, конечно, удовлетворить Гоголя; да и со стороны матеріальнаго обезпеченія она была недостаточна. Чтобы пополнить свой бюджетъ, ему приходилось заниматься гувернерствомъ и отчасти заказной литературной работой. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ пытается пустить въ оборотъ и свои небольшіе опыты изображенія малорусской жизни.—Въ „Отечественныхъ запискахъ“ онъ помѣщаетъ свой первый опытъ „малоруссійской повѣсти“: „Басаврюкъ или Вечеръ наканунѣ Ивана Купала“ безъ подписи; затѣмъ печатаетъ нѣсколько статей педагогическаго содержания (статью „Женщина“ и т. д.).

Въ это же время черезъ Плетнева—инспектора патріот. института благ. дѣвиць происходитъ знакомство Гоголя съ Пушкинымъ и Жуковскимъ. Послѣдніе, въ свою очередь, познакомили его съ блестящей фрейлиной того времени А. О. Россетъ, у которой собирався цвѣтъ мыслящаго общества, интимный кружокъ нашихъ лучшихъ писателей того времени во главѣ съ Пушкинымъ. — Знакомство съ этимъ кружкомъ, а особенно и преимущественно знакомство съ Пушкинымъ было чрезвычайно важно для Гоголя. Геній Пушкина былъ дѣйствительно добрымъ геніемъ Гоголя. Пушкинъ сразу оцѣнилъ дарованія Гоголя. „Онъ, говорилъ Пушкинъ о Гоголѣ А. О. Россетъ, *будетъ русскимъ Стерномъ; у него оригинальный талантъ; онъ все видитъ; онъ умѣетъ смѣяться, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ грустенъ и заставитъ плакать. Онъ схватываетъ оттѣнки и смѣшныя стороны; у него есть юморъ, и раньше чѣмъ черезъ 10 лѣтъ онъ будетъ первокласснымъ талантомъ. У него есть драматическое чутье*“¹⁾.— Такъ предсказывалъ будущую судьбу „застѣнчиваго хохла“, геніальный Пушкинъ. И Пушкинъ, съ своей стороны дѣлалъ все, чтобы помочь начинающему писателю, онъ помогалъ ему совѣтами, указаніями; убѣждалъ его учиться, читать; составлялъ даже примѣрный каталогъ книгъ, какія Гоголь

¹⁾ Записка А. О. Смирновой, ч. I. стр. 42.

д. б. прочитать; Пушкинъ же далъ ему сюжеты Ревизора и Мертвыхъ душъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же былъ однимъ изъ первыхъ его рецензентовъ; ему Гоголь читалъ наброски своихъ главныхъ произведеній; отъ него ожидалъ серьезной критики своихъ произведеній; ему повѣрялъ тайны своей фантази и замыслы своихъ твореній... Словомъ, трудно учесть вліяніе мощнаго генія Пушкина на впечатлительную сотканную изъ слишкомъ тонкихъ струнъ душу скорбнаго юмориста. — Пушкинъ былъ дѣйствительно слишкомъ яркимъ лучомъ, освѣтившимъ темные уголки души Гоголя и озарившимъ дальнѣйшіе пути его творчества.

Въ 7 лѣтъ, которыя Гоголь провелъ въ общеніи съ Пушкинымъ (1830—1837 г.), онъ создалъ или по крайней мѣрѣ началъ всѣ свои лучшія произведенія, сказалъ все, что хотѣлъ сказать, и впослѣдствіи — только передѣлывалъ ¹⁾).

Въ 1831 году вышелъ въ свѣтъ первый сборникъ его „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“ подъ псевдонимомъ „Рудого Панька“, придуманномъ Плетневымъ. Писались рассказы, вошедшіе въ этотъ сборникъ, цѣлыхъ 3 года; авторъ ихъ совсѣмъ мало думалъ объ ихъ литературной цѣнности. Эти рассказы должны были по представленію самого Гоголя принести ему матеріальную пользу и, съ другой стороны, они были данью любви къ Украинѣ; творя образы милой Украины, забываясь въ мірѣ грезъ и фантастическихъ видѣній изъ области родной старины, Гоголь въ этомъ творествѣ находилъ успокоеніе отъ давившей его тяготы прозаическихъ будней и черстваго эгоизма обывателей туманнаго Петербурга. — Послѣ выхода въ свѣтъ въ срединѣ 1831 г. 1-ой части его Вечеровъ, слава Гоголя быстро распространилась, и литературное имя его упрочилось вполне.

Вмѣстѣ съ выходомъ Вечеровъ кончился и подготовительный періодъ для Гоголя и началась жизнь и дѣятельность талантливаго человѣка. Отсюда начинается блестящій періодъ его литературной дѣятельности. Въ 1832 вышла 2-я часть „Вечеровъ на хуторѣ“. Лѣтомъ этого же года онъ предпри-

¹⁾ В. В. Сиповскій Исторія русской словесности, ч. 3; вып. 1. СПб. 1907 г. стр. 129.

нимаеѣ поѣздку на родину, въ Малороссію. Проѣздомъ въ Москвѣ знакомится съ С. Т. Аксаковымъ, знаменитымъ актеромъ М. С. Щепкинымъ и съ Погодинымъ, съ которыми сохранилъ самыя близкія связи до конца своей жизни. Осенью, возвратившись изъ поѣздки на родину въ Петербургъ, Гоголь принялся за обработку задуманныхъ новыхъ произведеній.—

Между тѣмъ, во внѣшнемъ положеніи Гоголя произошли нѣкоторыя перемѣны. Службу въ департаментѣ удѣловъ онъ скоро бросилъ и по ходатайству Плетнева получилъ мѣсто учителя исторіи „Патріотическаго Института“.—Учительская каеэдра несомнѣнно болѣе удовлетворяла и самолюбію и дѣйствительнымъ душевнымъ стремленіямъ Гоголя, чѣмъ канцелярскій столикъ въ департаментѣ удѣловъ съ кипюю мало кому нужныхъ бумагъ и моремъ чернилъ. Гоголь самъ заявлялъ, что „его занятія составляютъ для его души неизъяснимыя удовольствія“ ¹⁾. Онъ съ увлеченіемъ отдается своему дѣлу; предпринимаетъ большой историко-географическій трудъ съ подзаголовкомъ: „Земля и люди“. Но этому сборнику, который подъ этимъ заглавіемъ долженъ былъ, по предположенію Гоголя, составиться изъ записываемыхъ институтками его чтеній по исторіи и географіи, не суждено было появиться на свѣтъ. Однако, несмотря на искреннее, повидимому, увлеченіе преподавательскою дѣятельностью въ Патріотическомъ институтѣ, мечта о „настоящей службѣ“ все еще не покидаетъ Гоголя. Въ его рѣчахъ и письмахъ къ своимъ близкимъ, особенно къ матери, настойчиво проводится мысль о томъ, что всѣ неудачи, „всѣ оскорбленія, всѣ непріятности, какія ему пришлось испытать, посылались ему высокимъ „Провидѣніемъ для его воспитанія“... „Я чувствую“ писалъ онъ, „что не земная моя воля направляетъ путь мой. Онъ вѣрно необходимъ для меня“ ²⁾. Въ другомъ письмѣ онъ пишетъ: „я вижу яснѣе и лучше многое, нежели другіе... Я изслѣдовалъ челоѣка отъ его колыбели до конца, и отъ этого ничуть не счастливѣе. У меня болитъ сердце, когда я вижу, какъ заблуждаются люди. Толкуютъ о добродѣ-

¹⁾ Н. Котляревскій 115.

²⁾ Письма Н. В. Гоголя т. I, 171—172; 378.

тели, о Богѣ, и между тѣмъ, не дѣлають ничего. Хотѣль бы, кажется, помочь имъ, но рѣдкіе, рѣдкіе изъ нихъ имѣють свѣтлый природный умъ, чтобы увидѣть истину моихъ словъ“¹⁾).—Эта-та мечта о службѣ, „мечта“ болящаго сердца помочь своимъ заблуждающимся ближнимъ, не находившая своего осуществленія въ канцелярской работѣ, но до нѣкоторой степени осуществившаяся въ учительствѣ, побудила Гоголя добиваться профессорской каѳедры сначала въ Кіевѣ, а потомъ въ Петербургѣ. Онъ искренно, надо полагать, думалъ, что именно съ университетской каѳедры онъ легче всего можетъ дѣйствовать на сердца юныхъ слушателей и зажечь ихъ души огнемъ любви къ добру и правдѣ.—Въ 1834 г. Гоголь, благодаря хлопотамъ Пушкина, Жуковского и московскихъ друзей, получилъ каѳедру всеобщей исторіи въ Петербургскомъ Университетѣ. Однако профессорская дѣятельность Гоголя вмѣсто ожидаемаго нравственнаго удовлетворенія принесла ему много разочарованій. Изъ отзывовъ современниковъ студентовъ Петербургскаго Университета, непосредственныхъ слушателей Гоголя и, между прочимъ, И. С. Тургенева, который въ это время былъ студентомъ, мы убѣждаемся въ томъ, что какъ профессоръ Гоголь былъ ниже своего таланта и былъ не на своемъ мѣстѣ. Несомнѣнно—онъ былъ выше посредственныхъ профессоровъ, былъ лучшимъ среди другихъ, но онъ не оправдалъ тѣхъ ожиданій аудиторіи, которыя возлагали на него, какъ на *талантливаго писателя*... Незначительная научная подготовка, съ которою Гоголь вступилъ на каѳедру, широкіе планы, какими онъ задавался при составленіи плана учебнаго курса,—все это было причиною неудавшейся профессуры Гоголя. Поэтому, несмотря на самую тщательную и добросовѣстную подготовку къ лекціямъ, которая отнимала чрезвычайно много времени, Гоголя ожидало самое жестокое разочарованіе. Изъ всего курса найдется только двѣ—три лекціи, которыя дѣйствительно являются достойными и таланта Гоголя и его славы; онѣ были прочитаны въ присутствіи почетныхъ гостей Пушкина, Жуковского и др., и впоследствии были напечатаны въ

¹⁾ Ibid. 126.

„Арабескахъ“. Въ этихъ лекціяхъ „о среднихъ вѣкахъ“ и исторической характеристикѣ „Калифа Алмамуна“ сказанъ незаурядный талантъ; хотя онѣ скорѣе были плодомъ поэтического вдохновенія, чѣмъ результатомъ научной работы.

Но если профессорская дѣятельность Гоголя оказалась неудачной, то она во всякомъ случаѣ была не безрезультатной для самого Гоголя. Изученіе исторіи постепеннаго завоеванія человѣческимъ геніемъ природы и распространенія знаній и культуры дало нашему писателю „много минутъ высокаго наслажденія“¹⁾. „Я расплевался съ университетомъ“, пишетъ онъ въ 1835 г. въ декабрѣ Погодину по поводу своего выхода въ отставку, — и черезъ мѣсяць опять беззаботный казакъ. Неузнанный я взошелъ на кафедру и неузнанный схожу съ нея. Но въ эти годы моего безславія, потому что общее мнѣніе говоритъ, что я не за свое дѣло взялся, — въ эти полтора года я много вынесъ отсюда и прибавилъ въ сокровищницу души. Уже не дѣтскія мысли, не ограниченный прежній кругъ моихъ свѣдѣній, *но высокія, исполненные истины и ужасающаго величія мысли волновали меня!*.. Миръ вамъ, мои небесныя гости, наводившія на меня божественныя минуты въ моей тѣсной квартирѣ, близкой къ чердаку!“²⁾—Трудно съ „опредѣленностью“ сказать, какія это „высокія, исполненные ужасающаго величія“ мысли волновали душу молодого профессора. Но очевидно, что то были мысли, соединенныя съ муками творчества „Ревизора и Мертвыхъ дупъ“, гдѣ авторъ выставилъ на „всемирныя очи“ всю тину мелочей, огутавшихъ жизнь“, всю грязь и пошлость, которая окружаетъ человѣка и лишаетъ его того совершенства, къ какому онъ предназначенъ. „Не беззаботный смѣхъ, не зубоскальство, не желаніе забавить, а мысли „ужасающаго величія“ создали „веселую комедію“, говоритъ Венгеровъ³⁾. Занятія исторіей восточныхъ и западныхъ народовъ чередовались съ созданіемъ „типовъ“ Ревизора, а

¹⁾ Н. Котляревскій стр. 205.

²⁾ Письма Н. В. Гоголя т. I. 357.

³⁾ С. А. Венгеровъ. Очерки по исторіи Русской литературы. 2-е изд. СПб. 1907 г. 201 стр.

тамъ, на днѣ души, постепенно вырисовывались неясныя очертанія Чичиковыхъ, Собакевичей, Коробочекъ... Напряженныя размышленія надъ судьбою государствъ и цѣлыхъ вѣковъ, ушедшихъ въ вѣчность, приводили его къ мыслямъ о родинѣ заставляли задумываться надъ тѣми порядками жизни, среди которыхъ приходилось жить наблюдательному и насмѣшливому молодому профессору. И, почему знать, быть можетъ много еще унесъ съ собою въ могилу невысказанныхъ поэтическихъ грезъ, невыяснившихся образовъ повседневной жизни и богатыхъ замысловъ поэтич. вдохновенія, отъ которыхъ душа его приходила въ священный трепеть. Быть можетъ, это были мысли дать въ поэтическихъ картинахъ цѣлую поэму русской народной жизни, намеки на что мы можемъ видѣть въ его перепискѣ...

Преподавательская и затѣмъ профессорская дѣятельность Гоголя не заглушала творческой фантазіи писателя, и Гоголь послѣ изданія „Вечеровъ“ въ 1831 г.,—въ 1835 г. издаетъ *Арабески* и затѣмъ *Миргородъ*, куда вошла и историческая поэма—плодъ занятій исторіей Малороссіи—*Тарасъ Бульба*. Въ этотъ же періодъ времени Гоголь пишетъ „*Женитьбу*“ и „*Ревизора*“. По совѣту Пушкина начинаетъ печатать въ „*Современникѣ*“, статьи критическаго содержанія, помещаетъ въ *Арабескахъ*, между прочимъ, „Нѣсколько словъ о Пушкинѣ“, гдѣ первый производитъ оцѣнку любимаго Пушкинскаго дѣтища „*Бориса Годуова*“. Наконецъ въ 1835 г. оканчиваетъ „*Ревизора*“ и въ 1836 г. 19-го апрѣля ставитъ его на сцену въ Петербургѣ въ Александринскомъ театрѣ. „На сцену Гоголь смотрѣлъ не какъ авторъ заурядной театральной пьесы, котораго полное торжество заключается въ радужномъ приѣмѣ и рукоплесканіяхъ публики, но съ затаеннымъ страхомъ и глубокой скорбью за судьбу своего созданія, въ которое онъ вложилъ всю душу, свои лучшія благороднѣйшія стремленія“¹⁾.—Еще до представленія, благодаря стараніямъ друзей и, между прочимъ, извѣстной фрелины А. О. Россетъ, *Ревизоръ* былъ прочитанъ императору Николаю Павловичу и ему понравился. А. О. Россетъ пере-

1) Шенрокъ. Биографія. стр. 16.

даетъ интересныя подробности этого ходатайства въ своихъ Запискахъ. „Узнавъ, что Пушкинъ въ восторгѣ отъ Ревизора, императоръ сказалъ фрейлинѣ: „успокойте автора; если Пушкинъ находитъ, что у него талантъ, этого достаточно, скажите это ему отъ меня“. Затѣмъ Россетъ (Смирнова) прочитала на память монологъ Хлестакова о 30,000 курьеровъ. Императоръ расхохотался и благодаря этому, не было хлопотъ и съ цензурой. Самъ императоръ былъ на первомъ представленіи, смѣялся много и уѣзжая, говорятъ, сказалъ: „ну пьеска! всѣмъ досталось, а больше всѣхъ мнѣ“. Мало того, онъ даже послалъ своихъ министровъ смотрѣть Ревизора и обезпечилъ, такимъ образомъ, творенія Гоголя отъ нападковъ и тисковъ цензуры. Но публика встрѣтила Ревизора не одинаково. Лучшая и сравнительно немногочисленная часть интеллигентнаго общества, хотя и не поняла вполнѣ замысла поэта, но тѣмъ не менѣе находила эту пьесу имѣющей важное общественное значеніе, (что такъ характерно выразилъ, между прочимъ, и императоръ своимъ замѣчаніемъ).—Другая же часть публики и критики, враждебной Гоголю, въ лицѣ Булгарина, Сенковского, не видѣли ничего въ новой пьесѣ кромѣ, по выраженію графа Канкринна, „глупой фарсы“¹⁾.—Такое же впечатлѣніе произвела эта пьеса и въ Москвѣ. На первомъ представленіи Ревизора въ Москвѣ была публика высшаго тона, богатая, чиновная. И этой публикѣ не пришелся по вкусу Ревизоръ. Артистъ Щепкинъ былъ очень опечаленъ такимъ приѣмомъ пьесы своего друга. „Помилуй, сказалъ ему въ утѣшеніе одинъ знакомый, — какъ можно было лучше ее принять, когда половина публики *берущей*, а половина *дающей*“²⁾.—Самолюбіе Гоголя чрезвычайно страдало отъ такого приѣма. Послѣ перваго же представленія онъ вернулся домой опечаленный и убитый духомъ. Говорятъ, что когда въ это время Прокоповичъ, желая порадовать своего друга, поднесъ ему только что вышедшій изъ печати первый печатный экземпляръ Ревизора,

¹⁾ Д. Н. Овсяннико-Куликовскій т. I. изд. тов. общ. польза. СПб. 1909 г., 12 стр.

²⁾ Н. Котляревскій 323.

Гоголь швырнулъ его на полъ и съ глубокой тоскою, опираясь на столъ проговорилъ: „Господи Боже! ну если бы одинъ, два ругали, ну и Бсгъ съ ними, а то всѣ... всѣ!“¹⁾. — Черезъ 10 дней послѣ перваго представленія онъ пишетъ въ Москву Щепкину письмо: „Всѣ противъ меня, пишетъ онъ, „чищовники пожилые и почтенные кричатъ, что для меня нѣтъ ничего святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня, купцы противъ меня; литераторы противъ меня. Бранять и ходять на пье на четвертое представленіе нельзя достать билетовъ“. „Если бы не высокое заступничество государя, пьеса моя ни за что бы не была на сценѣ“. — „Выведи на сцену трехъ — четырехъ плутовъ, пишетъ онъ черезъ мѣсяць Погодину — тысяча честныхъ людей сердится, говоритъ: мы — не плуты. Но Богъ съ ними“²⁾.

Всѣ эти толки и пересуды такъ повліяли на впечатлительнаго, до болѣзненности самолюбиваго Гоголя, что онъ, какъ и послѣ неудачи съ „Ганцемъ“, — спѣшитъ уѣхать за границу, чтобы тамъ вдали отъ Ревизора, его критиковъ и героевъ размыкать свою тоску. Въ началѣ іюня, т. е. черезъ 2¹/₂ мѣсяца послѣ перваго представленія Ревизора, сѣлъ на пароходъ и двинулся въ путь вмѣстѣ съ Данилевскимъ... „Прощай! писалъ онъ Погодину. Буду разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои авторскія обязанности, свои будущія творенія, и возвращусь къ тебѣ вѣрно освѣженный и обновленный“ — Такъ Петербургскій семи-лѣтній періодъ кончился и начался періодъ скитанія за границей.

Заграничный періодъ жизни Гоголя, длившійся съ небольшими перерывами до 1841 г., представляетъ для біографовъ, какъ говоритъ Котляревскій, „большую загадку“. — „Въ этой сложной душѣ, полной противорѣчій, совершалось въ этотъ періодъ времени то таинственное бореніе, которое художника въ концѣ концовъ обратило въ моралиста и богослова, и въ юмористъ быто писателѣ заставило вновь проснуться съ подновленной силой старое романтическое міросозерцаніе. Это было бореніе сначала очень радостное, полное вдохновеннаго

¹⁾ Ibid. 325.

²⁾ Письма Н. В. Гоголя т. I. 368, 371.

восторга, а въ концѣ совсѣмъ болѣзненное, истомившее художника и физически и нравственно¹⁾. Такою именно духовной борьбою съ самимъ собою занятъ былъ Гоголь, во время своего странствованія по Австріи, Германіи и Франціи. Поэтому то онъ, вѣроятно, и не обращалъ никакого вниманія, не присматривался къ окружающей жизни и порядкамъ. Острый взглядъ его глазъ былъ направлень внутрь самого себя и тамъ искалъ разрѣшенія мучившихъ его вопросовъ. „Съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Россію, во мнѣ, пишетъ онъ А. О. Россеть (Смирновой), произошла великая перемѣна. Душа заняла меня всего, и я увидѣлъ слишкомъ ясно, что безъ устремленія моей души къ ея лучшему совершенству не въ силахъ я былъ двинуться ни одной моей способностію, ни одной стореной моего ума во благо и въ пользу моимъ собратьямъ, и безъ этого воспитанія душевнаго всякій трудъ мой будетъ только временно—блестящъ, но суетенъ въ существѣ своемъ“²⁾. Но поверхностно скользилъ этотъ взглядъ по окружающему міру; словно этого міра не существовало.—Вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ далѣе дорожная повозка уносила его отъ родныхъ палестинъ, чѣмъ далѣе уѣзжалъ онъ отъ Хлестаковыхъ, Сквозниковъ-Дмухановскихъ и Земляникъ, Бобчинскихъ и Добчинскихъ, тѣмъ дороже для него становилась родина, тѣмъ милѣе были ея необозримыя поля, ея „бѣдность“ и недостатки. „Непреодолимою цѣпью, пишетъ онъ Погодину, прикованъ я къ своему, и нашъ бѣдный, неяркій міръ нашъ, наши курныя избы, обнаженные пространства предпочель я (разумѣется—въ своемъ творчествѣ. В. Х.) небесамъ лучшимъ, привѣтливѣе глядящимъ на меня. И я ли послѣ этого могу не любить своей отчизмы?“³⁾.

Вмѣстѣ съ такою, такъ сказ., идейной любовью къ родинѣ, ему тяжело было жить въ Россіи. Такъ въ письмѣ къ Н. М. Смирнову, мужу А. О. Россеть, онъ пишетъ „А. И. Тургеневъ, между прочимъ, сказалъ важную истину, которая извѣстна можетъ быть и Александрѣ Осиповнѣ, что живя за границею тошнить по Россіи, а не успѣешь пріѣхать въ

1) Н. Котляревскій; стр. 244.

2) Русская старина 1909, III, 478.

3) Овсяннико-Куликовскій, т. I, стр. 94.

Россію, какъ уже тошнить отъ Россіи¹⁾. И дѣйствительно стоило Гоголю по семейнымъ обстоятельствамъ пріѣхать въ началѣ 1841-го года въ Россію, какъ онъ уже рвется обратно, просить друзей „выгнать его изъ Россіи“.

Постояннымъ мѣстомъ жительства за границей Гоголь избралъ Римъ. Вѣчный городъ, гдѣ каждая пядь земли напоминала о чемъ—то быломъ великомъ, гдѣ собраны были памятники искусства, гдѣ были выстраданы имъ „Мертвыя души“, гдѣ они получили послѣднюю отдѣлку,—наконецъ прекрасный климатъ, ясное голубое небо и южная природа—все это вмѣстѣ взятое производило на романтически—настроеннаго Гоголя, на его художественное чувство то благотворное воздѣйствіе, какого жаждали его разбитыя нервы.—Недаромъ, въ его письмахъ мы встрѣчаемъ цѣлыя страницы, гдѣ онъ восхищается Римомъ, Италіей, которую зоветъ своей „второю родиной“, „родиной души“.—„Душенька моя! моя красавица Италія! Никто въ мірѣ ее не отниметъ у меня! восклицалъ онъ послѣ разлуки съ нею. „Я родился здѣсь... Россія, Петербургъ, снѣга, подлецы, департаментъ, кафедра, театръ,—все это мнѣ снилось. Я проснулся опять на родинѣ“²⁾.—Его страсть къ Италиі, очарованіе ею и въ особенности Римомъ было данью той любви къ прекрасному, котораго не видѣла въ жизни и въ русской дѣйствительности его художественная натура. Всѣ эти искривленныя національныя фізіономіи Ноздревыхъ, Плюшкиныхъ, Коробочекъ, вся пошлость и мелочность, какъ тина опутавшая жизнь убогой Руси, создавшая эти искривленныя національныя фізіономіи, которыя проходили предъ острымъ взглядомъ великаго сатирика—юмориста, давили своею тяжестью художника. И вотъ на памятникахъ искусства, на созданіяхъ человѣческаго генія, на дорогихъ руинахъ былаго величія отдыхалъ взоръ художника; въ ясной синевѣ небесъ, въ яркихъ солнечныхъ лучахъ подъ сѣною миртъ и кипарисовъ отогрѣвалась душа его, и вѣщія очи загорались огнемъ вдохновенія...

¹⁾ Русская старина 1909 г. III, 468.

²⁾ Письма Н. В. Гоголя. I стр. 459, 461. (См. У Н. Котляревскаго 347).

³⁾ Письма Н. В. Гоголя I, 378, 383, 415.

Созерцающъ изъ этого „прекраснаго далека“ Русь, онъ съ глубокой проникновенностью всматривался въ глубь своего духа и всѣми силами души старался дать отчетъ себѣ въ томъ, что же онъ долженъ сдѣлать для своей отчизны—какую „службу“ сослужить ей, какой жребій послало ему Провидѣніе? „Клянусь я, что-то сдѣлаю, чего не дѣлаетъ обыкновенный человѣкъ“ пишетъ онъ, прощаясь съ родиной. „Львиную силу чувствую я въ душѣ своей... Кто-то незримый пишетъ предо мной могущественнымъ жезломъ. Знаю, что мое имя послѣ меня будетъ счастливѣе меня и потомки тѣхъ же земляковъ моихъ, можетъ быть, съ глазами, влажными отъ слезъ, произнесутъ примиреніе моей тѣни“. И чѣмъ быстрѣе подвигалась его поэма „Мертвыя души“, съ которою онъ сталъ соединять свое великое дѣло, чѣмъ яснѣе вычерчивались и выходили изъ подъ пера, какъ живые, образы Чичиковыхъ, Маниловыхъ, тѣмъ сильнѣе укрѣплялось въ немъ сознаніе своей особой миссіи, своего посланничества. Въ этомъ произведеніи онъ хотѣлъ изобразить всю Россію со всѣми ея дурными и хорошими сторонами, со всѣмъ укладомъ ея жизни и чѣмъ далѣе подвигалась работа, тѣмъ грандіознѣе становились его замыслы. — Чудныя картины природы Рима, ласка южнаго солнца, полная нѣги и чарующей прелести, переносили его мысль въ родныя и близкія сердцу степи и въ восторгѣ вдохновенія онъ восклицалъ: „Русь! Русь! вижу тебя изъ моего чуднаго прекраснаго далека, тебя вижу. Бѣдно, разбросанно и непріютно въ тебѣ; не развеселятъ; не испугаютъ взоровъ дерзкія дива природы, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства... Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ... Но какая же непостижимая, тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей отъ моря и до моря пѣсня? Что въ ней въ этой пѣснѣ? Что зоветъ, и рыдаетъ, и хватается за сердце? Какія звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу, и вьются около моего сердца? Русь! чего ты хочешь отъ меня?“.. (Мертвыя души ч. I, XI гл.).

Мысль о своемъ призваніи, о томъ, что Русь на него „вперила свои полныя ожиданія очи“—уже не покинетъ его.

Она будетъ постоянно съ нимъ. Эта мысль съ теченіемъ времени побудитъ Гоголя опубликовать свою переписку; эта мысль внушитъ ему содержаніе 2-й части Мертв. душъ, она заставитъ потомъ съжечь плоды своихъ чуть не десятилѣтнихъ трудовъ;—она превратитъ его изъ юмориста—бытописателя въ моралиста—проповѣдника и, наконецъ, озаритъ его угасающій взоръ почти мистическимъ проникновеніемъ за завѣсу будущаго...

(Продолженіе слѣдуетъ).

Памяти Н. В. Гоголя.

Ровно сто лѣтъ тому назадъ въ никому неизвѣстныхъ Сорочинцахъ Миргородскаго у. случилось совершенно никѣмъ не замѣченное событіе: въ семьѣ не многимъ извѣстнаго помѣщика Вас. Аѳ. Гоголя родился сынъ Николай. А черезъ 43 года въ Москвѣ случилось другое,—уже всею Россіею замѣченное событіе—Николай Гоголь умеръ. А въ этомъ году, черезъ 100 лѣтъ послѣ его рожденія, всѣ, любящіе русскую литературу, живущіе и въ Россіи и внѣ ея—всѣ объединены однимъ чувствомъ, всѣ прославляютъ память Гоголя, великаго русскаго писателя.

Чѣмъ же такъ прославился Гоголь, и о чемъ онъ писалъ въ своихъ произведеніяхъ, что до сего дня заставляеть дрожать отвѣтныя струны въ душѣ читателя?

Произведенія гениальнаго писателя—это сама жизнь, преломленная въ его гени, и какъ всякія, самыя разнообразныя, даже противорѣчивыя мнѣнія всегда опираются на жизненные факты, такъ и изъ произведеній великаго писателя можно сдѣлать самыя разнообразныя, даже противорѣчивыя выводы. То же было и съ произведеніями Гоголя. Читая ихъ, одни видѣли въ Гоголѣ борца противъ старыхъ русскихъ порядковъ, другіе видѣли въ немъ ихъ защитника. Изъ-за Гоголя ломалось много копій, и такъ наз. либералы и консерваторы чуть не до нынѣшняго дня—каждые то тянутъ Гоголя въ свою сторону, то чуть не слѣпой у рта

указываютъ его промахи, стараясь, поражая Гоголя, поразить своихъ противниковъ.

Но, „двухъ становъ не борець, а только гость случайный“, Гоголь не былъ ни либераломъ, ни консерваторомъ, ни борцомъ съ отживающимъ дореформеннымъ строемъ, ни его защитникомъ. Всякій общественный строй, вмѣстѣ съ своими врагами и своими защитниками, только мимолетная гримаса на вѣчно мѣняющемся лицѣ жизни человѣчества. И если эта гримаса, во времена Гоголя, и была достаточно кислою, то не она привлекала главное вниманіе нашего писателя. Въ душѣ его жило вѣчное желаніе заглянуть въ самую глубь жизни, дойти до послѣднихъ ея предѣловъ и, свѣсясь надъ бездной, взглянуть въ самую сущность духа человѣческаго, творящаго жизнь.

И съ головокружительной высоты своего таланта Гоголь взглянулъ въ эту бездну, и лицо его покрылось ужасомъ. Страшно взглянуло на него лицо жизни, и не вынесъ этого взгляда Гоголь. Чѣмъ больше всматривался онъ, тѣмъ больше холодъ проникалъ въ его душу, и въ Гоголевскомъ «Завѣщаніи» Русь услышала крикъ искаженной страхомъ души Гоголя—«Соотечественники! страшно!» Гоголь увидѣлъ, что прекрасное лицо жизни изуродовано, что свѣтлыя черты ея, какъ страшной уродливой сыпью, покрыты человѣческой пошлостью.

И всю громадную силу своего таланта, всего себя, всю свою жизнь отдалъ Гоголь на борьбу съ этой пошлостью и умеръ борясь, умеръ честно, какъ боець, сраженный, но не побѣжденный своимъ врагомъ: Ни либераломъ ни консерваторомъ не былъ Гоголь, ибо пошлость человѣческая глубже этихъ поверхностныхъ теченій, и Гоголь поэтому и не примкнулъ къ нимъ. „Въ потребности съ одной стороны отыскать все недостойное и вытащить его на свѣтъ Божій для всенародной казни, а съ другой стороны въ глубочайшей скорби о томъ, что пошлость заѣдаетъ міръ, и заключается настоящее „направленіе“ Гоголя (Венгеровъ 174).

Это „направленіе“ проявляется въ Гоголѣ еще съ отрочества. Еще учась въ Нѣжинской гимназій, онъ присматривается къ Нѣжинскимъ нравамъ и съ тоской видитъ въ нихъ не яркую, прекрасную жизнь, а сѣрое, монотонное прозябаніе. И изъ устъ его срывается мѣткое и ядовитое

словечко — „существователи!“ — первое позорное клеймо, положенное Гоголемъ-отрокомъ на мѣдный лобъ человѣческой пошлости. Не юношеской жизнерадостностью, а тоской опытнаго взрослого человѣка дышитъ письмо Гоголя изъ гимназіи товарищу своему Высоцкому: „Какъ тяжко быть зарыту вмѣстѣ съ созданьями низкой неизвѣстности въ безмолвіе мертвое! Ты знаешь всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ, населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе человѣка. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться... Пожалѣй обо мнѣ! Можетъ быть, сле- за соучастія, отдавшаяся въ твоихъ глазахъ, послышится и мнѣ“.

Петербургъ! — вотъ что манитъ теперь къ себѣ Гоголя. Онъ кажется Гоголю „райскимъ мѣстомъ“, гдѣ онъ уже не увидитъ „существователей“, и откуда, поступивши на государственную службу, онъ вступитъ въ бой со своимъ врагомъ.

„Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія“, пишетъ Гоголь своему дядѣ, собираясь въ Петербургъ, „я пламанѣлъ неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства, я кипѣлъ принести хотя малѣйшую пользу... Я перебиралъ въ умѣ всѣ состоянія, всѣ должности въ государствѣ и остановился на одномъ — на юстиціи... Неправосудіе, величайшее въ свѣтѣ несчастіе, болѣе всего разрывало мое сердце, я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не утратить, не сдѣлавъ блага.“

И полный силъ и увѣренности въ себѣ, полный страстной жажды битвы, Гоголь помчался въ Петербургъ. Но холодно приняла его наша сѣверная столица, угрюмо взглянуло на него геморроидальное, испитое лицо чиповничьяго Петербурга, и Гоголь съ ужасомъ увидѣлъ, что „существователи“ существуютъ не только въ тихомъ Нѣжинѣ, но и въ шумномъ Петербургѣ. „Петербургъ показался мнѣ вовсе не такимъ, какъ я думалъ,“ пишетъ онъ матери. „Никакой духъ не блеститъ въ народѣ, — все служащіе да должностные; всѣ толкуютъ о своихъ департаментахъ, да коллегіяхъ, все погрязло въ трудахъ, въ которыхъ бесплодно издерживается жизнь ихъ.“

„Припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой“, какъ говорить Гоголь въ своей „Исповѣди“, были результатомъ этого новаго разочарованія. „Чтобы развлекать себя самого, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать“... Такъ появились „Вечера на хоторѣ близъ Диканьки.“ Веселымъ смѣхомъ заискрилось лицо Оксаны, мечтательно-нѣжно улыбнулась Ганна, медлиннымъ шагомъ прошла женоненавистникъ по личному опыту Соловій Черевикъ, вмѣстѣ съ упрямымъ Чубомъ; застрекотали кумова жинка и свояченица головы, уставившаго на нихъ свое единственное, но зато строго начальственное око; промелькнулъ въ морозномъ воздухѣ Рождественской ночи чортъ, догоняющій свою вѣдму, и сѣлъ играть съ вѣдьмами „въ дурня“ чубатый запорожецъ—дѣдъ. А надъ всѣмъ этимъ опрокинулось чудное небо Украйны, полное жгучей ласки въ роскошный лѣтній день и мечтательно-задумчивой нѣги въ серебряную майскую ночь. „Вечера на хоторѣ“ вышли въ свѣтъ, и фыркнули отъ смѣха типографскіе наборщики, и самъ творецъ новой русской литературы, величайшій изъ нашихъ поэтовъ—Пушкинъ, благословилъ начинающаго писателя: „Сейчасъ прочелъ „Вечера на хоторѣ“. Они изумили меня. Вотъ настоящая веселость, искренняя, непринужденная, безъ жеманства, безъ чопорности. А мѣстами какая поэзія, какая чувствительность!“

Но, размѣщивши читателей, Гоголь не могъ размѣшнить себя. Послѣдней попыткой его уйти отъ окружающей пошлости была повѣсть—поэма „Тарасъ Бульба“. Широкими взмахами кисти рисуетъ онъ картину прошлаго родной Украйны, и фигура за фигурой, вылитыя изъ бронзы и стали, облитыя вражьей кровью, освѣщенные заревомъ пожаровъ, выходятъ изъ подъ его пера и на вѣки врѣзаются въ нашу память богатыри—запорожцы, свято защищающіе родную православную вѣру, свой родной край, свою честь лыцарскую. Тамъ, въ желѣзный вѣкъ, среди этихъ богатырей не было мѣста „существователямъ“, не встрѣчались толкующіе только о своихъ департаментахъ Петербургскіе чиновники, и зло и добро развертывались во всю свою ширь, и лицо жизни сверкало гнѣвомъ и ненавистью, обливалось кровью, но не искажалось пошлостью.

„Тарасъ Бульба“— послѣдняя попытка Гоголя уйти отъ окружающей жизни, спрятаться отъ противной, липкой пош-

лости. Попытка эта не удалась: уйти было некуда. Натура Гоголя была слишком чутка, нервы его были слишком чувствительны, и всякое прикосновение окружающей пошлости отзывалось в душѣ Гоголя судорожнымъ порывомъ страшной боли. Уйти было некуда, и Гоголь поднялъ перчатку, принялъ вызовъ и вступилъ наконецъ въ бой житейской пошлостью, бой, не прекращавшійся до самой его смерти. Въ томъ же сборникѣ „Миргородъ“, рядомъ съ идеаломъ казака—могучею грандіозною фігурою стараго Бульбы, Гоголь поставилъ Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича—«столпъ и украшеніе Миргорода». Рядомъ съ червонными казачьими жупанами замелькала „отличнѣйшая бекеша“ Ивана Ивановича; рядомъ съ проникнутой душевнымъ огнемъ рѣчью Бульбы о товариществѣ прозвучало необыкновенно вѣжливое: „смѣю ли просить, государь мой, объ одолженіи;“ рядомъ съ трескомъ разгорающагося Тарасова костра закипѣла кляузная ссора Миргородскихъ друзей изъ-за „гусака“: „Какъ же вы осмѣлились, сударь, позабывъ и приличіе и уваженіе къ чину и фамиліи человѣка, обезчестить такимъ поноснымъ именемъ?“ Контрастъ былъ слишкомъ великъ, противоположность слишкомъ была по нервамъ, и повѣсть объ Ив. Ив. и Ив. Ник. заканчивается мучительнымъ стономъ человѣка, попавшаго съ неба прямо въ грязь житейской пошлости: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“ Но бой начался.

Этотъ бой съ пошлостью осложнялся еще, и мучительно осложнялся, тѣмъ, что язвы пошлости Гоголь видѣлъ не только въ окружающемъ, но и въ самомъ себѣ. Какъ всякая натура съ болѣненно чуткою совѣстью, Гоголь былъ строгъ къ окружающему, но въ неизмѣримо большее число разъ былъ строже къ самому себѣ. И чѣмъ сильнѣе были удары, наносимые окружающей пошлости, тѣмъ сильнѣе болѣло и ныло сердце самого писателя, ибо ударъ окружающему былъ ударомъ и самому себѣ.

„Во мнѣ не было“, говоритъ Гоголь, „какого-нибудь одного слишкомъ сильнаго порока, но зато, вмѣсто того, во мнѣ заключалось собраніе всѣхъ возможныхъ гадкостей, каждой понемногу, и при томъ въ такомъ множествѣ, въ какомъ я еще не встрѣчалъ доселѣ ни въ одномъ человѣкѣ“. Эти слова—явное преувеличеніе: даже враги Гоголя не видѣли въ немъ того, о чемъ онъ говоритъ здѣсь; но тѣмъ рѣзче,

тѣмъ рельефнѣе выступаетъ изъ-за этихъ словъ скорбная, мятущаяся душа великаго писателя, душа, болѣзненно сжимающаяся отъ одного призрака пошлости. Чтобы избавиться отъ этихъ дѣйствительныхъ и мнимыхъ пороковъ своихъ, Гоголь, какъ онъ самъ говоритъ, «сталъ надѣлать своихъ героевъ, сверхъ ихъ собственныхъ гадостей, моею собственною дрянью. Вотъ какъ это дѣлалось: взявши дурное свойство мое, я преслѣдовалъ его въ другомъ званіи и на другомъ поприщѣ, старался себѣ изобразить его въ видѣ смертельнаго врага, нанесшаго мнѣ самое чувствительное оскорбленіе, преслѣдовалъ его злобою, насмѣшкою и всѣмъ, чѣмъ попало.»

И вотъ началась страшная, лихорадочная, какая-то нечеловѣческая дѣятельность. „Повѣсть объ Ив. Ив. и Ив. Ник.“ написана въ 1831 году, а въ слѣдующіе за тѣмъ четыре года частью задумываются, частью набрасываются, а частью и печатаются „Носъ“, „Невскій проспектъ“, «Портретъ», „Шинель“, „Записки сумасшедшаго“, „Коляска“.

Цестрымъ калейдоскопомъ проносится передъ нами человѣческая низость и пошлость, то пробуждая въ читателѣ смѣхъ, то вызывая въ немъ ужасъ своей огромной слѣпой тяжестью, давящей и принижающей человѣка до потери человѣческаго облика, до сумасшествія. Гордо проходить передъ нами маіоръ Ковалевъ, самодовольство котораго можетъ быть нарушено только фантастическою потерею носа (ибо только вмѣшательство фантастическаго можетъ лишить господъ Ковалевыхъ ихъ гордой самоувѣренности); мчится по Невскому проспекту только что высѣченный поручикъ Пироговъ, офицерскій блескъ котораго такъ позорно померкъ передъ простодушной честностью нѣмцевъ-ремесленниковъ; тихо проходить, боясь испортить единственные сапоги, несчастный Акакій Акакіевичъ, вся жизнь котораго сосредоточилась въ одной мечтѣ о новой шинели; строго разноситъ своихъ подчиненныхъ значительное лицо, утерявшее въ своей значительности простой человѣческой обликъ; уничтожаетъ сокровища искусства безумный художникъ Чертковъ, отдавшій свой молодой талантъ и душевную свѣжесть все той же ненасытной человѣческой пошлости, и съ безумнымъ воплемъ драпируется въ куски изрѣзаннаго вицмундира несчастный Фердинандъ VIII, король Испанскій. — сумасшедшій Поприщанъ: «Матушка, спаси твоего бѣд-

наго сына! Урони слезинку на его бѣдную головушку! Посмотри, какъ мучать они его! Прижми ко груди своей бѣднаго сиротку! Ему нѣтъ мѣста на свѣтѣ! его гонять! Матушка, пожалѣй о своемъ больномъ дитяткѣ!..»

И въ этомъ крикѣ не слышится ли вамъ крикъ самого Гоголя, поражающаго человѣческую пошлость во всѣхъ его проявленіяхъ, но съ каждымъ ударомъ врагу все глубже и глубже вонзающаго ножъ въ свое собственное сердце? А надъ всѣми его героями уже не украинское небо блещетъ всѣми своими красками, а сѣрое небо Петербурга повисло своею грязною рогожею, отѣняя свою постоянную сѣрую сыростью сѣрую жизнь сѣрыхъ людей, прикрывая лукавый и лживый блескъ столичной мишуры отъ правдивыхъ лучей свѣтлаго солнца. „О, не вѣрьте этому Невскому проспекту!“ восклицаетъ Гоголь: «Все обманъ, все мечта, все не то, чѣмъ кажется!... Онъ лжетъ во всякое время, этотъ Невскій проспектъ, но болѣе всего тогда, когда ночь сгущенною массою наляжетъ на него, и когда самъ демонъ зажигаетъ лампы для того только, чтобы показать все не въ настоящемъ видѣ.»

Но Гоголю все казалось мало, его мѣткіе сильные удары пошлости все еще казались ему слабыми и чѣмъ далѣе, тѣмъ большую неудовлетворенность онъ испытываетъ: „Я увидѣлъ“, говоритъ онъ, „что въ сочиненіяхъ своихъ смѣюсь даромъ, напрасно... Если смѣяться, такъ ужъ смѣяться сильно и надъ тѣмъ, что дѣйствительно достойно осмѣянія всеобщаго....». И Гоголь задумываетъ свою безсмертную комедію „Ревизоръ“. „Въ Ревизорѣ“, говоритъ Гоголь, „я рѣшился собрать въ одну кучу все дурное въ Россіи, какое я тогда зналъ, всѣ несправедливости, какія дѣлаются въ тѣхъ мѣстахъ и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ больше всего требуется отъ человѣка справедливости и за однимъ разомъ посмѣяться надъ всѣмъ“.

Шумъ, который поднялся послѣ перваго же представленія „Ревизора“, очень ясно показалъ, что ударъ былъ направленъ вѣрно, и острые стрѣлы Гоголевскаго смѣха не пролетѣли мимо. Но мало было сочувствующихъ голосовъ въ этомъ шумѣ; взбудораженное болото пошлости подняло свои грязныя волны, и брызги ихъ раскаленными искрами жгли и безъ того измученную, истрадавшуюся душу писателя. „Господа Боже!“ восклицаетъ Гоголь: „Ну, если бы одинъ,

два ругали, ну и Богъ съ ними, а то всё, всё...“ Чиновники пожилые и почтенные кричать, что для меня ничего нѣтъ святого, когда я дерзнулъ такъ говорить о служащихъ людяхъ; полицейскіе противъ меня; купцы противъ меня; литераторы противъ меня!...“

Какъ же сильна должна была быть вѣра въ людей у Гоголя, если онъ не предвидѣлъ всей этой грязи, если онъ думалъ найти себѣ больше друзей, чѣмъ врагомъ, написавши эту комедію! А комедія была, дѣйствительно, огромнымъ произведеніемъ огромнаго таланта. Въ „Ревизорѣ“ русская сцена первый разъ увидѣла необычайный размахъ кисти, руководимой опытной рукою гениальнаго мастера; увидѣла картину, въ каждомъ мазкѣ которой скрывается цѣлый уголокъ русской жизни, картину, которую достаточно увидѣть разъ, чтобы она на вѣки запечатлѣлась въ душѣ зрителя. Ни одному еще русскому писателю не удалось въ пятиактной комедіи такъ глубоко вскрыть гнойныя язвы русской жизни и, указывая смѣющейся публикѣ страшные нарывы, воскликнуть: „Чему смѣтесъ? Надъ собой смѣтесъ!“

Но однимъ указаніемъ общественныхъ язвъ не ограничивается значеніе этой безсмертной комедіи. Типы, выведенныя въ ней, не только русскіе и при этомъ дореформенныя, но и вѣчныя, общечеловѣческіе. Ибо пошлость, лежащая въ основѣ этихъ типовъ, не есть только русская черта и не ограничивается однимъ какимъ-нибудь временемъ. „Что такое, если разобрать, въ самомъ дѣлѣ Хлестаковъ?“ спрашиваетъ Гоголь и отвѣчаетъ: „Молодой человѣкъ, чиновникъ, и пустой, какъ называютъ, но заключающій въ себѣ много качествъ, принадлежащихъ людямъ, которыхъ свѣтъ не называетъ пустыми. . Всякій хоть на минуту, если не на нѣсколько минутъ, дѣлался или дѣлается Хлестаковымъ, но, натурально, въ этомъ не хочетъ только признаться; онъ любитъ даже насмѣяться надъ этимъ фактомъ, но только, конечно, въ кожѣ другого, а не въ собственной... Словомъ, рѣдко кто имъ не будетъ хоть разъ въ жизни,—дѣло только въ томъ, что вслѣдъ за тѣмъ очень ловко повернется, и какъ будто бы и не онъ“.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Архистратиго Михайловская церковь села Комаровки Кубелянскаго уѣзда и ея приходъ.

(Историко-Статистическій очеркъ).

(Продолженіе).

Прихожане.

Прихожане Архангело-Михайловской церкви села Комаровки по сословіямъ раздѣляются: на козаковъ (1060 муж. п. и 1091 ж. п.), крестьянъ (22 м. п. и 24 ж. п.), мѣщанъ (22 м. п. и 30 жен. п.) и статскихъ (6 муж. пол. и 10 ж. п.)*).

Ростъ населенія съ 1827 года по десятилѣтіямъ представляеть слѣдующую таблицу:

Въ 1827 году—	м. п.	702	ж. п.	762.
„ 1837 „	„ „	643	„ „	694.
„ 1847 „	„ „	804	„ „	878.
„ 1857 „	„ „	793	„ „	862.
„ 1867 „	„ „	903	„ „	923.
„ 1877 „	„ „	1197	„ „	1209.
„ 1887 „	„ „	1089	„ „	1119.
„ 1897 „	„ „	1159	„ „	1190.
„ 1907 „	„ „	1110	„ „	1155.

Приходъ состоитъ изъ села Комаровки (171¹/₂ дворовъ, считая во дворѣ 4 м. п.) и хуторовъ—въ урочищахъ: „Ляховое Озеро“ (30¹/₂ дворовъ), „Миркаловыя Луки“ (52 двора) и „Маячская Межа“ (23¹/₂ двора). Хутора находятся отъ Комаровки на востокъ въ 6—12 верстахъ и расположены частью на песчано-солончаковой равнинѣ („Ляховое Озеро“ и „Миркаловыя Луки“—по мѣстному—„Подоль“), а частью на плодороднѣйшемъ плоскогоріи между Воркой и Орелью, гдѣ оно переходитъ въ незамѣтно понижающуюся къ Орели равнину („Маячская Межа“—„Гора“) Черезъ эти хутора проходитъ, по направленію съ сѣвера на югъ, другая „межа“, сажня въ 1¹/₂ ширины, которую хуторянскіе географы называютъ „Азовскою“ и увѣряютъ, что „она, какъ стрѣла, тянется къ самому Азовскому морю, неизвѣстно, гдѣ начинаясь“.

*) Клиров. 1905 г.

Село Комаровка раздѣляется бывшей рѣчкой „Куготкой“, отъ которой теперѣ осталось только весьма глубокое и никогда невысыхающее озеро, только въ половодье напоминающее свою праматерь, на двѣ неравныя половины: собственно „село“ и „Пески“. „Село“—поселеніе вблизи церкви, имѣющее одну улицу и нѣсколько весьма узкихъ и короткихъ переулковъ,—по мѣстному „сутокъ“, носящихъ названіе по прозвищу хозяевъ, мимо дворовъ которыхъ проходятъ: „Горбовы“, „Черевковы“, „Третьяковы“, „Слизевы“, „Машинькины“ и проч. „Село“—это ядро прихода и древнейшая часть его. Усадьбы здѣсь не одинаковы по количеству земли: есть въ нѣсколько квадратныхъ сажень и есть въ одну, двѣ десятины съ богатыми сѣнокосами и роскошными тополями, вербами, грушами, яблонями и прочими деревьями, обильно растущими на тучной почвѣ поемныхъ ливадъ. „Пески“—поселеніе позднѣйшее, возникшее не раньше 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія; оно представляетъ застроенную площадь до 1¹/₂ квадратныхъ верствъ, составляющую часть общественной „толки“. „Пески“ застроивались по извѣстному плану, а потому усадьбы здѣсь квадратныя и почти равной величины, улицы прямыя и широкія съ такими же пореулками. Флора здѣсь бѣднѣе; правда, на усадьбахъ, лежащихъ ближе къ „селу“, попадаются еще большія деревья и даже рощи, но на усадьбахъ, обращенныхъ къ „толокѣ“, растетъ лишь „шелюгъ“, а нѣкоторыя изъ нихъ совершенно лишены всякой растительности, такъ какъ почва здѣсь настолько песчана, что только, благодаря обильному удобренію, могутъ произростать огородныя овощи: картофель, „гарбузы“ или тыквы и подсолнечники.

Хотя населеніе комаровки состоитъ изъ козаковъ, но большая часть его совершенно не имѣетъ пахатной земли, а нѣкоторые даже и собственной усадьбы. Значительное меньшинство владѣетъ отъ 1 до 2 десятинъ и только хозяевъ до 20 имѣютъ отъ 5 до 15 десятинъ, да и то на слишкомъ далекомъ разстояніи отъ села. Общественной земли во владѣніи Комаровцевъ считается десятинъ 500, но большую часть ея занимаетъ „лугъ“, служащій «выгономъ» для овецъ, лошадей и гусей, рогатый же скотъ, за неимѣніемъ пастбища, у большинства хозяевъ круглый годъ на сухомъ кормѣ. Общественная пахатная земля раздѣлена «на души». Этой земли приходится на «душу» мужескаго пола всего по

нѣсколько квадратныхъ сажень и, при ежегодной вспашкѣ, она обратилась почти въ сыпучій песокъ. Не смотря на неудобность общественной земли, все таки на ней родить рожь, гречиха и баштаны; послѣдніе и сѣются исключительно съ цѣлью удобрить песокъ подъ посѣвъ ржи.

Насколько Комаровское населеніе нуждается въ землѣ, можно судить по той высокой цѣнѣ, какую оно платитъ за аренду земли, нанимая „песокъ по 9—10 руб., черноземъ отъ 25 до 30 руб., а луговую землю по 43 руб. за десятину и притомъ версть за 6—12 отъ села. Вслѣдствіе безземельности и дороговизны аренды, Комаровское населеніе занимается хлѣбопашествомъ въ очень ограниченныхъ размѣрахъ, есть даже и такія, которые, вовсе «не сѣютъ». Значительная часть Комаровцевъ, по преимуществу молодежь, съ ранней весны отправляется «на заработки» въ Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую губерніи. Многіе «стаютъ въ жнива дома», т. е. на хуторахъ у зажиточныхъ хозяевъ жнутъ за условленный снопъ сжатого хлѣба, найчаще—за 5 и 6, а иногда бываетъ и 7, даже 8-й снопъ.

Иные осенью молотятъ хлѣбъ „съ коробки“, т. е. получая отъ хозяина за свой трудъ извѣстную мѣру смолоченнаго зерна, большею частью 8-ю, 10-ю и даже 11-ю „коробку“.

Чуть ли не главную поддержку матеріальному благосостоянію Комаровцевъ оказываетъ сосѣдняя желѣзнодорожная колонія инвалидовъ, или, по техническому выраженію Комаровцевъ, „Гора“. Работы въ колоніи всегда много и тамъ не зарабатываетъ только больной да лѣнивый. Кромѣ разныхъ службъ въ экономіи колоніи, гдѣ можно пристроиться болѣе или менѣе прочно и выгодно, колонія всегда нуждается въ поденныхъ рабочихъ, какими и являются исключительно Комаровцы. Поденный трудъ „на Горѣ“ оплачивается довольно хорошо и, притомъ, тамъ трудъ—не изнурителенъ, какъ „на заработкахъ“, такъ какъ, обыкновенно, къ каждой работѣ приставляется болѣе чѣмъ достаточное число рабочихъ рукъ. Въ колоніи рабочий чувствуетъ себя свободнымъ въ трудѣ и не знаетъ переутомленія, такъ какъ работаетъ подъ контролемъ не строгихъ управляющихъ, крикливыхъ приказчиковъ, объѣзчиковъ и т. п. побуди-

телей въ помѣщичьихъ или нѣмецкихъ экономіяхъ „на заработкахъ“, а снисходительныхъ „дежурныхъ“—питомцевъ мѣстной сельско-хозяйственной школы. Экономія „колоніи“ не преслѣдуетъ эксплуататорскихъ цѣлей, а служитъ исключительно опытнымъ хозяйствомъ для практическихъ занятій школьниковъ, почему рабочіе и пользуются здѣсь льготами, немислимыми въ частно владѣльческихъ экономіяхъ. Работы въ „колоніи“ сопровождаются, обыкновенно, пѣснями, веселыми разговорами и шутками—прибаутками и не столько изнуряютъ, сколько служатъ пріятнымъ развлеченіемъ. Вотъ почему туда ходятъ на работу не только нуждающіеся бѣдняки, но и члены болѣе или менѣе обеспеченныхъ семействъ.

Служа мѣстомъ пріятныхъ и выгодныхъ заработковъ, „колонія“ является также пунктомъ для сбыта разныхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, за которые экономія „колоніи“ и инвалиды платятъ гораздо дороже, чѣмъ въ городѣ. Достаточно сказать, что сажень соломы для кирпичнаго завода покупается за 6—7 руб., сажень чистополѣнныхъ дровъ осиновыхъ или тополевыхъ—за 19 руб. съ доставкой; за „лантухъ“ половы инвалиды платятъ 25—30 коп., за курицу—80 коп. и т. д.

Кормилицей многихъ Комаровскихъ семействъ служитъ рѣка Ворскла. Не говоря уже о нѣкоторыхъ профессиональныхъ, такъ сказать, рыболовахъ, имѣющихъ лодки, невода, сѣти, «хапы» и т. п. рыболовные снасти и занимающихся рыбнымъ промысломъ круглый годъ, многіе въ лѣтнее время промышляютъ исключительно уженіемъ рыбы. Съ ранней весны и до поздней осени крутые и часто тѣнистыя берега Ворсклы, а особенно мельничная плотина, густо усыяны удильщиками. Послѣдніе живо напоминаютъ многочисленную крестьянскую семью, усѣвшуюся вокругъ большой деревянной чашки, изъ которой, то опуская, то поднимая деревянные ложки, зачерпываютъ борщъ или галушки.

Каждый удильщикъ имѣетъ на берегу свое опредѣленное мѣсто, гдѣ и устраивается съ извѣстнымъ удобствомъ, приманиваетъ рыбу, бросая въ воду крошки хлѣба, варенную пшеницу или кашу, и владѣетъ нѣкоторой частью рѣки на правахъ монополіи. Опытный удильщикъ, просидѣвъ на берегу цѣлый день, улавливаетъ иногда отъ 10 до 20 коро-

повъ или судаковъ, которые продаетъ въ городѣ или въ «колоніи» копѣекъ по 50, по 1 руб. и даже дороже за штуку.

Менѣ искусные удильщики, по преимуществу мальчишки отъ 12 лѣтъ, охотящіеся на мелкую рыбу, выручаютъ въ день отъ 30 коп. до 1 руб. и болѣе, при удачномъ уловѣ и лучшей породѣ рыбы.

Большое значеніе для матеріальнаго благосостоянія Комаровцевъ имѣютъ лѣса, растущіе по обѣимъ сторонамъ Ворсклы, а также—сосѣдство съ городомъ и вокзаломъ.

Собственныхъ лѣсовъ Комаровцы почти не имѣютъ, тѣмъ не менѣ фактически хозяйничаютъ въ окружающихъ Комаровку лѣсахъ гораздо успѣшнѣе и прибыльнѣе, чѣмъ дѣйствительные владѣльцы этихъ лѣсовъ. Это, повидимому, странное обстоятельство объясняется очень просто: хозяева лѣсовъ живутъ отъ своихъ владѣній за 10—20 верстъ, а Комаровцы—подъ самымъ лѣсомъ. Въ силу такихъ условій, одни изъ лѣсовладѣльцевъ отдають свои лѣсныя дачи въ аренду Комаровцамъ, по сравнительно дешевой цѣнѣ, а другіе—подъ „охрану“, избирая въ качествѣ лѣсничаго кого-нибудь изъ Комаровскихъ бѣдняковъ и предоставляя послѣднему право пользоваться листьями и валежникомъ; владѣльцы же слишкомъ мелкіе оставляють свои „лѣски“ и вовсе безъ специальныхъ лѣсничихъ, попросивъ то одного, то другого изъ Комаровскихъ „знакомыхъ“ „наглядать инъ коли“ за ихъ „лѣскомъ“.

Мелкіе лѣсовладѣльцы, открывая нѣкоторымъ изъ Комаровцевъ, какъ «лѣсничимъ», законный входъ въ лѣса, являются соблазнителями Комаровскаго пролетаріата, который, подъ предлогомъ „лѣсничества“, считаетъ себя въ правѣ бродить свободно по чужимъ лѣсамъ и хозяйничать въ нихъ не только безъ всякаго страха и угрызеніи совѣсти, но съ полнымъ сознаніемъ своего полномочія «наглядать» за лѣсомъ.

Все богатство лѣсовъ: рыба въ озерахъ, тростникъ или осока на плавняхъ, трава на лужайкахъ, разнаго рода лѣсныя ягоды, щавель и грибы, а также листья и валежники являются бесплатнымъ и безпозлиннымъ достояніемъ Комаровскихъ «лѣсничихъ», какимъ въ правѣ назваться чуть не каждый.

Добытые въ лѣсахъ продукты, въ сыромъ ли видѣ, какъ щавель, ягоды, хмѣль, грибы, или въ обработанномъ, какъ кошеліи изъ тростника, вѣнники, метлы и проч., служатъ предметомъ торговли на городскихъ базарахъ. Разумѣется, барыши отъ продажи такихъ малоцѣнныхъ произведеній природы и искусства—не, Богъ вѣсть, какіе, но если къ этому прибавить еще выручку за проданныя дрова изъ лѣснаго валежника, ручныя саночки котораго продаются въ городѣ отъ 25—40 коп., то въ общемъ трудъ „лѣсопромышленниковъ“ вполне вознаградится.

Промыселъ лѣснымъ валежникомъ въ послѣднее время принялъ видъ непростительнаго хищничества: нѣкоторые изъ болѣе рьяныхъ предпринимателей изобрѣли способъ добывать дрова и въ томъ случаѣ, когда въ лѣсу нѣтъ бурелома. Въ основаніе этого «способа» легло, кажется, убѣжденіе простаго человѣка, что срубить въ чужомъ лѣсу дерево или обрубить на немъ вѣтви—преступно и грѣшно, а сломить деревцо или обломать на большомъ деревѣ всѣ вѣтви—можно. Исходя изъ такого убѣжденія, изобрѣтательный умъ голытьбы, которая, по пословицѣ: «на выдумки-хитра», придумалъ орудіе для отламыванія древесныхъ вѣтвей любой величины, какъ сухихъ, такъ и сырыхъ, но мерзлыхъ. Такимъ орудіемъ служитъ деревянная или желѣзная клюка съ привязанной къ ней длинной веревкой. Клюкой нагибается облюбованная вѣтка и артель хищниковъ, ухватившись за концы ея (вѣтки) и за веревку, до тѣхъ поръ подпирыиваетъ подъ вѣткой, пока, наконецъ, общими усиліями и отламываетъ ее.

Такое усиліе, впрочемъ, требуется, когда отламываютъ сырыя и толстыя вѣтки, сухіе же и сравнительно мелкія легко одолеваетъ и одинъ человѣкъ. Клюкой съ веревкой можно съ земли достать и отломить самую высокую вѣтку.

Стремленіе къ легкой наживѣ не только не щадитъ чужой собственности—лѣса, но, алчно овладѣвая ею, великодушно оставляетъ владѣльцу только обезображенные древесные стволы.

Печальную картину представляетъ лѣсъ этихъ обнаженныхъ обглоданныхъ и ободранныхъ чудищъ, съ угрюмымъ и безжизненнымъ видомъ, телеграфныхъ столбовъ или корабельныхъ мачтъ отъ времени почернѣвшихъ. Вытопанное

мѣсто съ валяющимися мелкими остатками хищничества ясно свидѣтельствуесть о борьбѣ, какую выдержало дерево, долго не поддаваясь насилію лѣсныхъ паразитовъ—цѣлой рати мальчишекъ, подъ предводительствомъ ветерана, уже испытаннаго въ лѣсныхъ грабежахъ.

Набѣги на лѣсъ начинаются съ начала листопада. Съ этого времени почти ежедневно, въ продолженіе всей осени и зимы, можно наблюдать, какъ Комаровская бѣднота разнаго возраста и пола съ граблями, вилами, клюками, рядами и носилками, сплетенными изъ веревокъ, направляется въ ближайшій лѣсъ. Вечеромъ вся эта орда, нагруженная трофеями охоты, въ видѣ наполненныхъ листьями ряденъ и носилокъ, а также большихъ вязокъ дровъ за спинами, изогнутыми подъ тяжелой ношей, побѣдоносно расходится по своимъ убогимъ дворамъ.

Листья служатъ топливомъ и кормомъ для овецъ, а дрова, послѣ сортировки, продаются. Всѣ сарайчики, хлѣвушки и чердаки обыкновенно набиваются листьями и „хмизомъ“, т. е. мелкими остатками перебранныхъ дровъ. Ободрѣтый ими зимою Комаровскій бѣднякъ не разъ скажетъ спасибо за свои лѣсныя экскурсіи.

Нѣкоторые изъ болѣе зажиточныхъ селянъ „занимаются лѣсами“, т. е. покупаютъ лѣса на срубъ, оптомъ, а продаютъ въ розницу: строевой лѣсъ—поштучно или распиливъ на доски, а прочій—въ сажняхъ для топлива, или въ видѣ кольевъ и хворосту для огорожи; мелкій же лѣсъ, закусанный скотомъ, такъ называемый „чагарникъ“, остается для домашняго обихода. Такъ какъ торговля лѣсомъ требуетъ капитала и часто довольно значительнаго, то она ведется компаніей, на паяхъ. Благодаря близости города и „колоніи“, торговля лѣсомъ приноситъ большіе барыши.

Многіе лѣсовладѣльцы въ послѣднее время совершенно истребляютъ лѣса и, приготовляя землю подъ пахоть, отдаютъ Комаровцамъ корчевать пни, въ уплату за очистку лѣсной почвы. Сухіе и посортированные пни продаются на мѣстѣ обыкновенно отъ 10—12 руб. за сажень.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВНИМАНІЮ СТРОЯЩИХЪ НОВЫЯ ЦЕРКВИ!

При магазинѣ церковной утвари Елены Григорьевны Невѣжиной, подъ фирмою „Дм. Ив. Невѣжинъ“, Кіевъ, Подоль, Гостинный рядъ, № 44, открыто специальное отдѣленіе по изготовленію **ИКОНЪ, КІУТОВЪ И ИКОНОСТАСОВЪ**, всѣхъ стилей и рисунковъ.

Принимаются заказы по росписи церквей, реставраціи старой и написаніи новой живописи.

Чертежи и рисунки могутъ быть высылаемы вмѣстѣ со смѣтой по требованію причта, попечительствъ или обществъ, за подписью таковыхъ, съ приложеніемъ надлежащей печати, **ТОЛЬКО** для **ОБОЗРѢНІЯ**, съ обязательствомъ требовавшихъ возвратить ихъ обратно, причемъ необходимо указывать возможно подробныя свѣдѣнія о размѣрахъ иконостаса и о суммѣ, ассигнованной на него.

Въ случаѣ необходимости для принятія заказовъ посылается довѣренное лицо за счетъ фирмы.

Лучшей гарантіей добросовѣстнаго исполненія заказовъ служитъ имя моей фирмы, снискавшей себѣ за свое долготѣнее существованіе много благодарностей.

Цѣны дешевыя. Допускается разсрочка платежа.

Пріемъ заказовъ на всевозможныя церковныя вещи и колокола.

Адресъ для писемъ: Кіевъ, Подоль, Гостинный дворъ, № 44, магазинъ церковной утвари Елены Григорьевны Невѣжиной.

Для телеграммъ: Кіевъ, Подоль, Невѣжину.

Прекрасный случай для сельскихъ церквей имѣть академическую живопись. **Ученикъ Императорской Академіи Художествъ**, имѣющій большой опытъ въ религіозной живописи, желая пробить весну и лѣто въ Малороссіи, предлагаетъ о.о. священникамъ свой трудъ, по написанію иконъ и стѣнной росписи церквей за умѣренное вознагражденіе. За исполненіе работъ имѣю отъ г.г. заказчиковъ благодарности и похвальные отзывы въ газетахъ и журналахъ, которыя могу представить желающимъ сдѣлать мнѣ заказъ. СПБ. Васильевскій Ос. 6 л. д. 29, кв. 13 Художнику №.

ХУДОЖЕСТВЕННО-ИКОНОСТАСНАЯ МАСТЕРСКАЯ

Бр. Іоакима и Адріана Алексѣевичей

ЧУХНОВЫХЪ

Принимаются заказы на иконостасы, кіоты, горнія мѣста, жертвенники съ рѣзьбой и позолотой, а также изъ натурального дерева: дубоваго, кипарисоваго и орѣховаго съ позолотой и безъ оной. Отдѣлка стѣнъ внутри храмовъ живописью и орнаментами по образцамъ выдающихся художниковъ. Позолота главъ и крестовъ. Образа пишутся на деревѣ, цинкѣ и холстѣ.

Чеканка и эмалировка на деревѣ и цинкѣ.

Принимаются постройки каменныхъ и деревянныхъ храмовъ и ремонтъ таковыхъ.

Принимаются заказы на составленіе проектовъ храмовъ, смѣть отвѣтственными архитекторами и техниками.

Допускается разсрочка платежа.

Кіевъ, Дмитріевская ул., соб. домъ, № 102.

Адресъ для писемъ и телеграммъ: Кіевъ, Дмитріевская, ЧУХНОВЫМЪ.

Къ осеннимъ экзаменамъ на священника, діакона, псаломщика и учителя ц.-прих. школь готовятъ студенты М. Ө. Матвіевскій, Г. М. Сѣвницкій и Д. М. Ломакинъ.

Занятія груп., нач.—10 іюня, Полтава, Ивановская, 38.

СОДЕРЖАНІЕ: I.—«Многоскорбная» Княгиня-Праведница, Св. Преподобная Анна Кашинская—II. Чествованіе Н. В. Гоголя въ духовной семинаріи.—III. Н. В. Гоголь (1809—1909). Критико-біографическій очеркъ. (Продолженіе).—IV. Памяти Н. В. Гоголя.—V. Архистратиго-Михайловская церковь села Комаровки Кобелянскаго уѣзда и ея приходъ. (Продолженіе).—VI. Объявленія.

Редакторы, преподаватели семинаріи: $\left\{ \begin{array}{l} \text{В. Терлецкій.} \\ \text{В. Конопатовъ.} \end{array} \right.$

Печат. съ разр. мѣстн. дух. цензуры 1 мая 1909 г.

Полтава, Типогр. Торговаго Дома И. Фришбергъ и С. Зороховичъ.